
Пепел
книга первая
Паутина
Павел Некрасов
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
КДПН

Павел Некрасов

Пепел. Книга первая. Паутина

«Автор»
2026

Некрасов П.

Пепел. Книга первая. Паутина / П. Некрасов — «Автор», 2026

Середина девяностых. Оперативная разработка влиятельного члена преступной группировки приводит к его гибели и гибели его близких. Друг погибших начинает мстить, он готов идти до конца. В его руки попали документы и свидетельства против могущественных людей. Их интересы находятся под угрозой. За ним начинается охота. Книга первая романа "Пепел". Для широкого круга читателей.

© Некрасов П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Смерч 5
2. Пыль времен 16
3. Стая 29
4. Принцип выбора 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Павел Некрасов
Пепел. Книга первая. Паутина

1. Смерч

Когда Соболев появился в ресторане, знакомые принялись здороваться с ним. А компания пьяных в углу и вовсе попыталась перехватить. Женщины повисли у него на плечах, а мужчины тянули за стол. У него везде было несметное количество друзей и знакомых. Соболев был из тех, кто с первого взгляда располагает к себе. И мужиком он был видным, напоминал классических героев из старых индийских кинолент: высокий, мощный, с густой темной шевелюрой. Рядом с ним Михаил Говорухин впечатления не производил: среднего роста, светловолосый и неприметный. Но за этой прозаической внешностью скрывался опытный и жестокий боец из оперативно-розыскного подразделения в местном РУБОПе.

Соболев заметил его за столиком и сказал пьяным что-то громко, но неразборчиво. Они с неохотой отпустили его. А он прошел к Михаилу:

– Живой? – он тоже был пьян.

– Присаживайся, – Говорухин смотрел на него со спокойным ожиданием. – Почему здесь? Могли поговорить с глазу на глаз.

– И это замечательно! – провозгласил Соболев. – Но уже неважно! Сэм все знает! Жить мне осталось – кот наплакал! И тебе тоже! Уже без разницы, где нам разговаривать. Да, хоть у него в офисе! А что, это мысль! – снова гаркнул он.

Охранник в другом углу зала задержал на нем взгляд.

– Тише-тише, – Михаил постучал по спинке соседнего стула. – Ты присядь, в ногах правды нет.

– Ее нигде нет! Ты уже в курсе? – Соболев продолжал нависать над ним.

– Всегда так было. У каждого своя правда…

– Я о том, что меня твои слили! Миша, меня с потрохами сдали!

На них уже начали оглядываться посетители.

– Нет, не в курсе. Сейчас мы это обсудим, выпьем и прикинем что к чему.

– Интересный подход! Замечательный! Мы с тобой как живые мертвецы. Уже того, но все равно будем выпивать и закусывать, – он хохотнул, видимо, уже начал приходить в себя. – А жить реально хочется! Милая! – без всякого перехода обратился к официантке. – Выпить и закусить! Много и разного!

– Мне тоже повторите, – кивнул Михаил.

Соболев наконец сел за столик.

– Вроде все ожидаемо, – пьяно кивнул он. – Ну, не дурак же я, чтобы в чудеса верить. Или твоим верить… Но сегодня я понял одно: Сэм мне намного ближе тебя… Зачем я на это дерьмо подписался? Дурак, одно слово! Ни за что бы не подписался сейчас! – по слогам повторил он. – Вот так вот, дружище! Потому что я такой же, как он. И дай мне боженька шанс, я бы тоже пошел по головам и по трупам! Как он идет по головам и по трупам! А он мог оказаться на моем месте. Или ты, Миша, мог оказаться на его месте.

– Ну да, мы все из одного теста, – усмехнулся Говорухин.

Он не сводил глаз с рослых парней возле стойки. Они пришли вслед за Соболевым. Один из них, не таясь, фотографировал посетителей.

– Что делать будем? – Николай посмотрел на него осмысленно и уже без ненависти. – Может, перебьем их всех прямо сейчас? У тебя ствол есть, у меня пара найдется. Вломимся в офис…

– Остынь. Нас опередили, нет в этом ничего нового. По утечке информации только одно могу сказать: его люди тоже работают, купили кого-то или запугали, или кто-нибудь проболтался по пьяни, – он красноречиво посмотрел на него.

– Но-но, ты на меня не гони! – погрозил тот пальцем. – Я за языком тщательно следил. Как выкручиваться будем?

– Как обычно, – кивнул Михаил. – А теперь рассказывай всё и детально.

Спустя час они вышли из ресторана и устроились в машине Соболева.

– С утечкой информации я разберусь, – Михаил выключил свет в салоне. – На фирме больше не появляйся. Сегодня я ночую у вас. С завтрашнего дня приставим охрану, – он закурил и несколько мгновений смотрел на рослых парней из кафе. Они продолжали наблюдать за ними. – Все будет нормально, не велика шишка этот Самохин.

– Но споткнуться можно! – тряхнул головой Соболев. – Я предлагаю грохнуть его прямо сейчас! Вы же любите мразей по-тихому прикапывать.

– Нам его не прикопать, а с поличным взять надо. И желательно упаковать вместе с папой.

– А если не получится? – Соболев неожиданно схватился за голову. Он снова опьянел. – Я все просрал! Знал, что молодым сдохну! Но мог бы сдохнуть красиво! Твою же мать… И как ни крути, я предал друга, – в его голосе появилась горечь. – Если бы со мной так поступили, я бы тоже убил. Веришь, нет?! Убил бы!.. Да, какого черта, ты ведь мне тоже друг! Запутался я совсем…

Говорухин выбросил окурок в приоткрытое окно:

– Нормально все. Разберемся!

Соболев с тоской посмотрел на низкое вечернее небо.

Был первый день марта, но под вечер зима взяла свое. Как ни пригревало солнышко, после заката из лабиринтов городских улиц потянуло колодезным холодом.

В два часа ночи на кухню зашла жена Николая. Михаил оторвался от чтения. Вика села напротив него и тоже закурила.

– Миша, что происходит?

– Тебе бы поспать, утро вечера мудреней, – улыбнулся он.

– Вот только не надо со мной так, – Вика машинально поправила волосы. Она была очень красивой статной брюнеткой. – Коля ничего не говорит. Но я его знаю… Миша, мы сами разберемся в своих проблемах. Так будет лучше.

– Вы уже не сможете.

– Миша, мы сами разберемся со своими проблемами! – повторила она. – Помощники нам не нужны.

– Давай не будем спешить. Все будет нормально…

– Нет, нормально уже не будет! – она внезапно закрыла глаза и несколько мгновений сидела, пытаясь успокоиться. – Что же вы наделали? Зачем ты так с нами?

И в этот момент Михаил уловил в ее словах какой-то подтекст.

– О чем ты?

– Коля как ребенок. Поиграть ему захотелось! Но ты ведь все прекрасно понимал… А я, а Настенька? О нас вы подумали?

– Кто тебе об этом рассказал? Николай?

– Подруга, – она поднялась с табурета и потушила сигарету в пепельнице.

– Как ее фамилия?

– А вот это уже не твое дело. Оставь ты нас всех в покое… Уходи прямо сейчас!

– Вика, ты же не знаешь всего, – Говорухин тоже поднялся. – Но я обещаю, с вами все будет в порядке.

– Хорошо, оставайся до утра. А я устала, я пойду спать, – она вышла с кухни.

Михаил сел, взял было книгу, но отложил ее в сторону. В эту минуту он понимал, что не знает и десятой доли того, что произошло за день. И только в этом он был полностью уверен.

Утром он снова переговорил с Николаем, еще раз подробно объяснил, что им следует сделать даже при намеке на малейшую опасность. И уже собирался уходить, когда тот протянул ему пакет:

– Спрячь. Как-то мне неспокойно.

– Что это? – Михаил подержал его на весу.

– Копии кое-каких документов.

– Ты о них не говорил, – Михаил убрал пакет во внутренний карман курточки. – Ладно, обсудим позже. Не забудь, перед приездом я позвоню. Коля, дверь открывай только мне. И только после телефонного звонка. Никаких подруг и знакомых!

– Да-да, я все запомнил!

Солнце уже чувствительно пригревало, задорно гомонили воробьи. И с восходом солнца стало так тепло, словно весна и в самом деле началась по календарю. У Михаила неожиданно и беспричинно поднялось настроение. В кабинет Варламова, сам того не замечая, он зашел с улыбкой.

– Отпуск идет на пользу! – Варламов поднялся навстречу. – Канары, Лазурный Берег?

– Если я попаду туда, обратно не ждите.

– Давай выкладывай. Что по Соболеву?

– Выбывает из дальнейшей разработки. Теперь он свидетель. Утечка, Степан Иванович. Похоже, по нашей вине человек конкретно под удар подставился!

Варламов с шумом выдохнул. Он был кряжистым и широким, как шкаф. О таких говорят: «Поперек себя шире».

– Ты все понял? – он сел за стол напротив Михаила.

– О нем знал я, ты и Кашницкий.

В глазах у Варламова разгорелся нехороший огонек.

– Командный дух¸ значит, – сквозь зубы процедил он с ненавистью. – Чувство локтя…

– Степан Иванович, я вопрос об охране Соболевых намерен поднять.

– Сейчас командира обо всем в известность поставлю! – Варламов посмотрел на часы. – Об охране не беспокойся. Пока присмотри за ними. Позже свяжемся и все обговорим уже детально, – он развел руками. – Начнем прощупывать господина Кашницкого. Что-то его с Самохиным связывает. Не иначе, как чувство локтя?

– Добро, Степан Иванович! Буду у Соболевых, жду твоего звонка. Жду результатов.

– Снова у тебя отпуск накрылся, – Варламов протянул руку для пожатия. – И что ты за человек такой?

Михаил хотел было отделаться шуткой. Но вдруг почувствовал, как в сердце шевельнулось зыбкое беспокойство, словно кто-то уже задел нить судьбы. Он прислушался к себе, на мгновение ему показалось, что увидел что-то неописуемо страшное.

– Что с тобой? – Варламов задержал его руку в своей.

– Что? – он непонимающе посмотрел на него.

– Ты что-то вспомнил?

– Нет.

Варламов хмыкнул:

– Как все утрясется, хорошенько отдохни! Человек должен бездельничать: на диване валяться, книжки читать, телевизор смотреть. Даже железяки вроде тебя ломаются!

Михаил сел в свою «шестерку»[1] цвета слоновой кости, закурил и вытащил из кармана пакет Соболева. В нем оказались аудиокассеты, несколько дискет, копии платежных поручений и бухгалтерских ведомостей. Он перелистнул несколько копий и присвистнул. Эти документы в руках следствия могли стать грозным оружием не только против Самохина.

– Очень хорошо, но это после, – он спрятал пакет в одном из тайников и позвонил по мобильному[2] Соболевым: – Уже выехал. Буду через двадцать минут. У вас все в порядке? – и кивнул, услышав утвердительный ответ.

Спустя четверть часа он поставил машину возле подъезда и взбежал по лестнице на третий этаж. Возле двери встряхнул пакет со сдобой и конфетами.

Когда щелкнули замки, из прихожей донесся голос Николая:

– Миша, заходи! У меня тут вешалка оборвалась…

Он распахнул дверь и с улыбкой переступил порог. Через мгновение перед его глазами мелькнуло окровавленное лицо Николая: «Прости, они хотели убить жену с дочкой…» Потом за спиной мелькнула стремительная тень, и его как молотом по голове ударили. Михаил на мгновение потерял сознание, через секунду очнулся, снова потерял сознание и опять пришел в себя, но контролировать ситуацию уже не мог. Он упал на колени, закрыл лицо руками и завалился на бок. Его сознание все время путалось, и точно отделить реально происходившее от цветастой мишуры, мелькавшей перед глазами, он не мог. Но в память врезался холодный, насмешливый голос:

– Этого за руки – за ноги и из окна!

В какой-то момент Михаил пришел в себя и услышал еще одно распоряжение:

– А этих как будто взрывом покалечило… Болван, вот как это делается! Учись…

Он почувствовал, как его приподняли над полом. А последнее что запомнил, было звоном разбитого стекла и короткое падение, закончившееся нечувствительным ударом об землю. И еще обрывки чьих-то голосов, сильный хлопок и смутный вой сирены.

В себя он пришел уже на больничной койке. Сразу понял, где находится. На удивление легко и глубоко вдохнул пропитанный медикаментами воздух. Прислушался к внутренним ощущениям. На мгновение ему показалось, что с ним все в порядке – боли не было. Он сделал еще один глубокий вдох и попытался сесть.

– Нет-нет, не двигайтесь!

Его запястья коснулась легкая рука. Он посмотрел на медсестру:

– Я чувствую себя очень хорошо.

– Это болеутоляющее действует, – кивнула та. – Лежите спокойно. Сейчас я позову доктора.

– Подождите, – остановил ее Михаил. – Меня одного привезли?

– Сейчас доктор поговорит с вами, – у сиделки был спокойный негромкий голос.

Михаил проводил ее взглядом. Боли он все еще не чувствовал, но на сердце стало тревожно.

Медсестры не было минут пять.

– День или вечер? – прошептал он.

По свету, падавшему от плотно зашторенного окна, невозможно было определить время. И он не особо удивился, когда в палату вместе с немолодым врачом зашел господин Кашницкий. Полковник был невысок и коренаст, седые виски коротко подстрижены, доброжелательный взгляд и хорошо поставленный голос.

---

[1] ВАЗ-2106 «Жигули» – заднеприводный седан Волжского автомобильного завода, выпускавшийся в г. Тольятти и на заводе «ИжАвто» в г. Ижевске с 1976 по 2006 годы, в просторечии «шестерка».

[2] В 1995 году мобильная связь на территории РФ уже функционировала, пользователей было немного. В то время мобильный телефон, как правило, демонстрировал статус человека. Мобильные телефоны были представлены моделями от лидеров рынка Nokia, Motorola и Ericsson.

– Доставили вы нам хлопот, батенька! – с порога начал говорить он. – И надо же было попасть в такую историю! Но вы не волнуйтесь, Михаил Александрович, своих мы в любом случае не сдаем. Бог не выдаст – свинья не съест! По крайней мере, ни по телевидению, ни в прессе ваше имя фигурировать не будет. И ни о чем не беспокойтесь, абсолютно ни о чем.

– Что происходит, Валерий Васильевич? – хотя Михаил уже сам понимал, что именно происходит.

– Об этом позже. Сначала поговорите с доктором. Мы позже побеседуем, если будет еще желание. Прошу вас, доктор!

Он отошел к окну и отдернул штору. С улицы брызнул дневной свет. Михаил прикрыл глаза ладонью. Кашницкий негромко откашлялся, несколько раз щелкнула зажигалка, и от окна потянуло табачным дымом.

– Валерий Васильевич, – строго произнес доктор.

– Это ничего, ничего, – отозвался тот, продолжая курить.

Доктор нахмурился, но ввязываться в спор не стал.

– Вы что-нибудь помните? – спросил он Михаила.

– Помню, как ударили по голове. Скорее всего, кастетом. А потом, кажется, выбросили из окна, но в этом я не уверен… Как Соболевы?

– Они погибли, – доктор несильно сжал ему запястье и посмотрел в глаза.

– В этом еще предстоит разобраться, – тут же вклинился Кашницкий. – Что же вы, уважаемый, больного вот так, без подготовки огорошили?.. Учитесь расставлять акценты в нужных местах. Михаил Александрович что-то не помнит, в чем-то заблуждается. Но в таком состоянии это простительно… Михаил Александрович, вас выбросило из окна взрывом природного газа. В квартире кроме вас и Соболевых никого не было. Вы вместе с ними были на кухне. Экспертиза установила утечку природного газа. Вы, скорее всего, стояли возле окна. На вашей одежде сохранились следы кофе. Видимо, опрокинули на себя чашку при падении… Но вам повезло! В рубашке родились! Вас взрывной волной выбросило из квартиры, а Соболевы погибли… Доктор, вы без утайки расскажите, как обстоят дела у Михаила Александровича. По крайней мере, человек перестанет беспокоиться о себе.

– Можно сказать, что вы легко отделались. Треснуло два ребра, сотрясение мозга средней тяжести, множественные ушибы. Череп у вас крепкий.

– Вот видите, Михаил Александрович, все не так плохо! И очень скоро вы снова вернетесь в строй.

– Я не пью кофе, – пересиливая внезапно накатившую боль, произнес Михаил. – Ты понимаешь, что несешь?

– Доктор, оставьте нас на минуту. Я вас прошу, – Кашницкий доброжелательно улыбнулся. – Михаил Александрович, вы попали в очень неприятную ситуацию, – сказал он, когда они остались наедине. – Сегодня мы получили сигнал о том, что Соболев путем мошенничества присвоил себе ни много, ни мало, а двести тысяч долларов. Теперь я уже не могу понять, что именно вас связывало. Ума не приложу. Может и к лучшему, что все так случилось. По крайней мере, для вас… А возможно и для всех…

Закончить ему Михаил не дал. Превозмогая боль, приподнялся на локте и, тяжело дыша, сказал, как плюнул в лицо:

– Какая же ты сволочь, Кашницкий!

Могила Соболевых была увенчана гранитным памятником. Погода стояла пасмурная. С утра шел дождь со снегом. Все небо от горизонта до горизонта было затянуто сплошной сумрачной пеленой. Но к обеду затих и порывистый холодный ветер. Только отголоски его яростно гудели в поднебесье. Иногда из темных облаков выныривало солнце, заливая все окрест золотым светом. В эти мгновения зеркально отполированный памятник блестел, как

хрустальный. В такие моменты опьяневший Михаил неизменно вздрагивал, отрывал взгляд от земли, и в хрустальных отблесках видел только три портрета да три позолоченные строчки под ними. Потом небо также стремительно темнело, и на землю ложилась тень. А Михаил все вглядывался в лица погибших. Он несколько раз подходил к памятнику и застывал перед ним в поклоне. Потом бормотал, перечитывая позолоченные строки:

Вспорхнула бабочка с цветка,
Как сорвалась звезда.
Зажглась весной, угасла по весне.[3]

После возвращался за столик, курил сигарету за сигаретой и пил водку. К обеду он сильно опьянел, разговаривал вслух, а его бесстрастное лицо напоминало застывшую гипсовую маску. В какой-то момент он снова подошел к памятнику, постоял возле него, поправляя цветы на принесенном венке. Видимо, собирался уже уходить, но присел на краешек могилы и забылся.

Очнулся от ощущения, что на него кто-то смотрит.

За столиком на самом деле сидел незнакомый человек. Моложавый мужчина лет пятидесяти с небольшим. Он был хорошо одет и больше всего напоминал умудренного опытом терапевта. На столике перед ним лежала широкополая фетровая шляпа, небольшой кейс и наградной портсигар[4] к пятидесятилетию Прокуратуры СССР с такой же серебряной зажигалкой. Бутылка водки, пластмассовый стаканчик и сигареты Михаила были аккуратно отставлены в сторону.

Михаил с трудом поднялся и на негнущихся затекших ногах подошел к столику.

– Прошу прощения, – он собрал свои вещи и поискал взглядом мусорный бак.

– Жаль Соболевых, но все должно остаться на своих местах, – неожиданно сказал незнакомец.

Михаил вздрогнул и посмотрел на него дико и пьяно.

– Что? – хрипло спросил он.

– Все должно остаться на своих местах, Михаил Александрович, – повторил тот и представился: – Ефим Павлович Пресняков. Имя и фамилия настоящие. Будем знакомы! Не могу сказать, что совсем не знаю вас. Читал отзывы сослуживцев, читал характеристики, читал компромат. Вы – человек с характером, честолюбивы и не привыкли проигрывать. Разведены, детей нет. Смерть Соболевых стала для вас ударом. И это хороший знак, Михаил Александрович.

– Как это может быть хорошо? – Говорухин продолжал смотреть на него с угрозой.

– Вы не утратили чувство меры, что бы о вас ни говорили.

– Кто вы? Человек способный поставить на другом крест?

– Нет, я не из внутреннего надзора и не дознаватель. Но плоды моего труда тоже приносят пользу обществу.

– Кто вы? – Михаил угрюмо смотрел на него. – Ей-богу, у меня нет желания разгадывать ребусы. Кто вы такой?

– Давайте лучше поговорим о том, кто вы, – усмехнулся тот.

– Кто я? Вы прекрасно знаете, кто я и на что способен. И это не угроза.

Пресняков снова усмехнулся:

– Михаил Александрович, вы понимаете, что из вас обоих планомерно делают изгоев? Я о Соболеве сейчас говорю, его смерть перечеркнула его попытку выбраться из порочного круга.

---

[3] Стихи автора.

[4] Один из ценных подарков к юбилею Прокуратуры СССР (1922-1972 гг.) для особо отличившихся работников прокуратуры.

И сейчас на него всех собак повесят, а имя втопчут в грязь. А потом примутся за вас, сначала попробуют купить… Пройдет совсем немного времени, и вы остановитесь у жирной черты, пытаясь сделать правильный выбор и понять, чью же занять сторону, свою или врагов своих врагов? Для вас это будет мучительный выбор. Я уже сейчас знаю, что вы сделаете его неправильно и совершите непоправимые ошибки. Потому что на происходящее привыкли смотреть только с субъективной точки зрения, не задумываясь о перспективе… Но вы опытный человек и должны понимать, сколько неявных побудительных причин связывает любого из нас с остальным миром. И вы знаете, как много от нас не зависит. А если сказать конкретней, от нас не зависит ничего.

– А если проще? – перебил его Михаил. – Что вам от меня нужно? Скажите прямо, без витиеватых притч соломоновых.

Пресняков оценивающе посмотрел на него.

– Не обращайте внимания, – Михаил продолжал смотреть на него с угрозой. – Пьяный или трезвый, соображаю я одинаково хорошо.

– Я это знаю, – кивнул тот. – И готов быть откровенным. Нам известно, что к вам попали документы, которые в принципе не должны были оказаться у вас и для вас в любом случае бесполезные. Понимаете, о чем я говорю?.. В обмен на них мы готовы обеспечить вам безбедное и спокойное существование.

Взгляд у Михаила снова сделался пьяным и диким:

– Кто тебе рассказал?

В этот момент взгляд Преснякова был красноречивее слов.

– Нет, я не верю! – прохрипел Михаил. – Он не мог… Не мог… И здесь, на их могиле, ты предлагаешь мне это? Чтобы я отдал какой-то сраной мафии…

Пресняков неторопливо поднялся со скамьи:

– Скоро вы созреете, тогда и поговорим. Искать меня не нужно, при необходимости я сам найду вас. Прощайте.

– Будь ты проклят, – пробормотал Говорухин. – Будьте вы все прокляты!

Пресняков сел в «Волгу» кофейного цвета. Издалека невозможно было понять, что происходит в салоне. Через минуту машина развернулась на крохотном пятачке возле забора и уехала.

Когда Пресняков сел в «Волгу» и устроился на заднем диване, водитель переглянулся со вторым пассажиром. Ефим Павлович хорошо знал, что всякий раз, когда у него происходили подобные встречи, они заключали пари на жизнь его визави. Нужно признать, Преснякова их дурацкая игра тоже развлекала.

– Что дальше? – наконец не выдержал водитель.

– В город, – кивнул Пресняков, усмехнувшись про себя.

Судя по всему, водитель потерял поставленные на кон деньги.

По лицу Мартиросяна, невозможно было понять, доволен он таким поворотом или нет. Ефим Павлович не утвердился в окончательном мнении относительно него. Но тот факт, что иногда Мартиросян спускал курок с явным удовольствием, его настораживал.

«А такие люди нам нужны, – думал он о Говорухине. – Посмотрим, как он выкрутится из этой истории».

За окном с обеих сторон дороги тянулись бесконечные ряды надгробий.

Михаил вернулся за столик и замер, прикрыв глаза ладонью. В этот момент он думал о том, что теперь доверять нельзя никому. И думал о том, что теперь он остался один и помощи ждать неоткуда. В какой-то момент он даже решил оставить все как есть, но в тот же миг в его сердце с новой силой вспыхнула ненависть, и мысли спутались. Он думал о многих вещах сразу, путаясь в них и забывая, о чем думал только что. И не заметил, как снова забылся в

полудреме. Со всех сторон мерцали неразборчивые голоса и музыка. На его лицо легло пятно теплого света.

– Дядя Миша пришел! – радостно прозвенел голосок Настеньки Соболевой. – Дядя Миша, поиграем?

– Настя, – послышался голос Вики. В нем огоньками вспыхивали строгие нотки. – Не мешай дяде Мише! Он пришел к папе. Проходи, Миша! Коля тебя уже ждет…

Михаил вздрогнул, широко открыл глаза и судорожно перевел дыхание. В этот миг он почувствовал над собой огненные крылья ангела смерти, и в тот же миг его сердце сжалось в предчувствии скорого конца.

– Твари, – прошептал он сквозь зубы, не чувствуя ничего, кроме ненависти.

– Что ты от меня хочешь услышать? Слова о чувстве локтя? – Варламов в сердцах отбросил ручку. Она прокатилась по столу и упала на пол.

– Только одно, Степан Иванович. Кто эти люди?

Варламов посмотрел на него и отвернулся к окну.

– Какой тебе прок от этих бумажек сейчас? Все уже закончилось.

– Кто они? – повторил Михаил.

– Они тебе сами объяснят, если сочтут нужным.

– Вот даже как? В таком случае, Степан Иванович, у меня к тебе просьба будет. При следующей встрече скажи им, что все бумаги Соболева я уничтожил. Придется поверить мне на слово. А я отпуск догуляю красиво!

Варламов продолжал смотреть в окно.

Михаил, не прощаясь, вышел из кабинета. Не успел он добраться до машины, как в кармане загудел телефон. Номер был незнакомый. Михаил вытянул антенну и приложил мобильник к уху:

– Говорухин слушает.

– Михаил Александрович, здравствуйте! – раздался в трубке звучный, хорошо поставленный голос. – Вас беспокоит Самохин Олег Павлович. Я хотел бы сегодня встретиться с вами.

– Не о чем нам разговаривать!

– Михаил Александрович, давайте относиться к произошедшему спокойно. Ситуация сложная, разрешить ее необходимо в любом случае. И мы это сделаем совместными усилиями. С вашей помощью или уже без вас. Сейчас только от вас зависит, останется у Соболева доброе имя, или его запомнят, как афериста и преступника. Я предлагаю встретиться в девять часов вечера в «Дублине». Буду ждать. Михаил Александрович, нам с вами пора уладить конфликт.

Михаил отключился и прошептал:

– Обложили, сволочи…

Пророчество Преснякова сбывалось: из жертвы Соболев стремительно превратился в преступника. От позора и заслуженного наказания его спас трагический исход, к сожалению, погубивший ни в чем не повинных жену и ребенка. Вот как это теперь выглядело со стороны.

А Михаил получил недвусмысленное предупреждение: или он прекращает настаивать на своей версии случившегося, или автоматически становится пособником Соболева в его последней, (и подчеркнули это) последней афере.

– Вы, Михаил Александрович, – сказали ему в инспекции по личному составу[5], – долгое время находились в привилегированном положении даже по отношению к своим товарищам не только из оперативной группы, из всего отдела. Но это в прошлом. У Варламова Степана Ивановича появились собственные проблемы, так что защищать вас больше некому.

– Меня незачем и не от кого защищать, – огрызнулся Михаил.

[5] Инспекция по личному составу (ИЛС) – предшественница Управления собственной безопасности (УСБ) МВД России.

– Что ж, тогда взгляните на это, – перед ним положили пухлую папку. – Вы догадываетесь о ее содержании?

– Не имею ни малейшего представления.

– Заявления, свидетельства, факты. Одним словом, все, что может быть использовано против каждого сотрудника из вашего отдела. Все, что может быть использовано против каждого из вас и вашего командира, подшивается в эту папку… Конечно, вы догадывались об этом.

– Конечно же, нет! Мы ведь одно дело делаем – не щадим своих сил, а в случае необходимости и самой жизни[6].

– Не ёрничайте! Общество погрязло в бандитизме и коррупции! Надеюсь, к концу года мы получим полноценную и мощную структуру, которая совладает наконец с коррумпированными элементами в МВД.

– Мне нечего добавить к уже изложенному.

– Я вас больше не задерживаю! Вы ведь в очередном отпуске находитесь? Отдыхайте, набирайтесь сил. Я разговаривал о вас с Кашницким. Он отзывался о вас только в положительном ключе. Вы – молодой и очень перспективный работник. На вас возлагаются особые надежды, и вы должны понимать это. А все случившееся, должно послужить уроком. Инициатива должна быть ограничена разумными пределами. Мы знаем, что вы выберете верное направление для приложения сил. Михаил Александрович, вас ждет блестящее будущее!

– Благодарю за оказанное доверие! – кивнул Михаил. – Разрешите задать вопрос по существу?

– Конечно.

– Если я доживу до ваших лет, мне не будет стыдно за выбранное направление?

– Неужели вы не понимаете серьезности сложившихся обстоятельств? – собеседник посмотрел на него даже с сожалением. – Что ж, идите! Надеюсь, вы сделаете верный вывод из нашей беседы. И не забывайте, – он похлопал по папке с компроматом.

Вспомнив этот разговор, Михаил усмехнулся и посмотрел в зеркальце заднего вида. В последние дни он часто вспоминал о нем, и всякий раз на сердце становилось чуть легче.

– Ничего, – прошептал он, уже с улыбкой. – В итоге проявим командный дух и чувство локтя.

На встречу с Самохиным он приехал раньше назначенного времени – сработала многолетняя привычка держать ситуацию под контролем. Неспешно осмотрелся, заказал пиво. Просторная ресторанная зала тем не менее создавала иллюзию интимного уединения. С потолка лилась приглушенная инструментальная музыка. Окна были задернуты тяжелыми темными шторами. Возле противоположной стены среди экзотических растений притаились аквариумы с яркими рыбками.

Посетителей было немного, музыка заглушала звон столовых приборов и разговоры гостей. Михаил цедил пиво и старался ни о чем не думать. Обстановка и запах еды неожиданно напомнили ему вечер накануне убийства Соболевых. Особенно сейчас он старался подавить это воспоминание.

Самохин появился без трех минут девять в сопровождении двух телохранителей и помощника. Этот человек Говорухина знал в лицо, он переговорил с боссом и направился в сторону Михаила. Самохин же, не оглядываясь по сторонам, прошел к лестнице на второй этаж.

– Добрый вечер, Михаил Александрович, – поздоровался помощник Самохина. – Прошу проследовать за мной. Заказан отдельный кабинет.

– Зачем?

---

[6] Строка из Присяги рядового и начальствующего состава органов внутренних дел от 23.10.1973 г.

– Простите?

– Я не собираюсь разговаривать с глазу на глаз. Или так, или никак!

Помощник Самохина посмотрел на него темными нечитаемыми глазами и ушел вслед за боссом.

Спустя минуту Самохин вновь появился в зале и прошел к столику Михаила. На мгновение замер возле него, видимо, ожидая знаков приветствия, и сел напротив.

– Рад нашему знакомству, – произнес он.

Михаил потягивал пиво и смотрел на него с подчеркнутым безразличием.

– Полагаю, ваше мнение обо мне уже носит предвзятый характер, – сказал Самохин. – Ничего хорошего вы обо мне не думаете. И не знаете обо мне ничего хорошего.

– Ты убил моих близких, – заметил Михаил. – Мне больше ничего не надо знать.

В этот момент к их столику попытался прорваться официант. Телохранители придержали его и отвели в сторону.

– Это серьезное обвинение, Михаил Александрович. Я бы советовал вам, придержать его при себе. И поверьте мне, все более чем неоднозначно, – по губам Самохина скользнула полуулыбка. – Если вы в течение ближайшего месяца воздержитесь от резких движений, для вас это тоже станет очевидным. Вы умный, опытный и зрелый человек. Мой принцип: оценивать людей по деловым качествам, а не по связям, не за родовитость или тугую мошну. И по мере сил я прощаю близким их недостатки и слабости. Никто не совершенен. Я тоже не ангел, но и не бес. И если вы воздержитесь от резких движений в течение ближайших недель, ваше терпение будет вознаграждено сторицей.

Услышав это, Михаил едва сдержался от неконтролируемого гнева.

В этот момент к столику подкатили тележку с заказом, убрали недопитое Михаилом пиво.

Зал незаметно наполнился голосом Марины Хлебниковой:

Останься, еще на пять минут
Постой, подожди, не уходи
Останься, пусть снова смоют грусть
Твои летние дожди.[7]

Телохранители наблюдали за ресторанной публикой.

– Вы совсем не знали Соболева, – продолжал говорить Самохин. – Поэтому судите предвзято. Я больше ничего не скажу о нем, памятуя мудрую русскую поговорку: «О покойном или хорошо, или ничего». Но одно могу сказать прямо: оправдываться мне не в чем…

Эту фразу можно было расценить, как приглашение к разговору долгому и обстоятельному. И вдруг Михаил понял, как в последнее время заблуждались все доброхоты и недоброжелатели. На самом деле ему не нужен был выбор, потому что он сделал его много лет назад.

– Все пошло криво, – усмехнулся он. – Самохин, у тебя все пошло криво! Это начало конца, Самохин.

– Михаил Александрович, мы еще можем договориться, – кивнул тот. – Проявите благоразумие. Ничего невозможного нет. Быть может, договоримся не обо всем и друзьями не станем. Но мы можем оказать друг другу поддержку как в нынешней ситуации, так и в дальнейшем. Михаил Александрович, ничего невозможного нет, пока мы твердо стоим на земле.

– А ты ничего не забыл? – Михаил положил перед ним фото семьи Соболева. – Как быть с ними?

– Я вас уверяю, все не так однозначно.

– Я тебя тоже уверяю, все будет, – он встал и пошел на выход.

---

[7] Марина Хлебникова, «Останься", студийный альбом «Останься», 1995 г.

Помощник Самохина пошел было за ним, но был остановлен.

– Это уже неважно. Он связан по рукам и ногам. Он уже не помеха даже с украденными файлами.

– Подниметесь наверх?

– Не нужно, закончим вечер здесь, – Самохин оглядел публику. – Это не Стасик Каленый отдыхает?

Помощник проследил за его взглядом.

– Да, это Станислав Германович с партнерами.

– Пошли им бутылку коньяка. И пригласи сюда Стасика. Без партнеров.

2. Пыль времен

Пресняков прошел к круглому столику посреди номера и сел в кресло. Этот день его вымотал. Несколько минут он неподвижно сидел в верхней одежде. Но все же заставил себя встать. Он нарочито аккуратно повесил пальто со шляпой на вешалку, переобулся в тапочки и снова вернулся за стол. Ефим Павлович всегда контролировал эмоции и со стороны производил впечатление человека без проблем и переживаний. Этому он научился еще в школе. А его школьные годы выпали на лихолетье войны.

Ему давали пятьдесят с небольшим, хотя на самом деле он давно уже разменял седьмой десяток. В начале этого года ему исполнилось шестьдесят пять лет. А обязанности куратора после «Инцидента Прометей» он выполнял с приснопамятного шестьдесят первого года. Он все еще был силен, хотя почти все время напоминал человека в состоянии расслабленной неги. Его ум и сознание всегда пребывали в ясности, а память была похожа на капкан. Запомнив что-либо, он этого уже не забывал. Его можно было разбудить среди ночи, напомнить о давнем разговоре, и вскоре он мог изложить его суть, при каких обстоятельствах тот состоялся, с кем и когда именно. Чуть позже он смог бы описать детали встречи, канву событий и к чему они привели. Эти способности: почти звериная сила, цепкая память и острый ум не были врожденными свойствами. Все это появилось у него после «Инцидента Прометей». После инцидента все его участники изменились.

Ефим Павлович положил перед собой портсигар с зажигалкой, закурил и принялся крутить зажигалку в пальцах, ритмично постукивая ей о столешницу. Так он делал всегда, натыкаясь на какое-либо препятствие. Сейчас таким препятствием стал Говорухин. Пресняков знал, что Михаил попортит ему немало крови. Но он не собирался списывать его со счетов. Он прекрасно знал подоплеку и обстоятельства его конфликта с Самохиным.

Он крутил зажигалку, постукивая ей по столу, и продолжал раскладывать по полочкам собственные мысли и выводы. Положа руку на сердце, он бы без колебаний уничтожил эту семейку. Но такое решение превышало его полномочия. Оставалось только одно: сгладить ситуацию и прекратить конфликт с минимальным ущербом для всех сторон, а их оказалось больше дюжины. С точки зрения Говорухина все было предельно ясно: есть преступник и он должен ответить. И ответить должен по закону Моисееву, ибо иного Говорухин не признавал. В принципе Ефим Павлович сам был готов вынести этим подонкам тот же приговор. Но положение куратора и шлейф государственных интересов, переплетенных с интересами влиятельных персон, заставили его выбрать путь взаимных уступок и договоренностей.

Он оставил в покое зажигалку и теперь принялся подкручивать в пальцах портсигар с позолоченным советским гербом и дарственной надписью. И незаметно на него навалилась полудрема. В какой-то момент он замер, но не проснулся и не выронил портсигар из пальцев. И снова услышал голос генерального прокурора СССР Романа Андреевича Руденко:

– Ефим Павлович, для меня такой подарок дороже всех наград! У самого похожий имеется! А вы продолжайте работать на благо нашей родины, на благо нашего народа!

Руденко лично наградил его и особо отличившихся сотрудников в своем кабинете на пятидесятую годовщину образования советской прокуратуры в день юбилейных торжеств[8]. И с того дня Пресняков не расставался с его подарком.

Он снова увидел своих товарищей в кабинете генерального прокурора. Роман Андреевич шел вдоль шеренги награждаемых, помощник протягивал ему коробочки с наградами и подарки. Награждаемый делал шаг вперед, принимая награду, выслушивал напутствие и теплые слова от генерального прокурора. Кабинет оглашался: «Служу Советскому Союзу!» В этот

[8] 28 мая 1972 г.

момент его дядя Пресняков Николай Ефимович сделал шаг вперед и получил из рук Руденко награду. Тот сказал ему что-то негромко и пожал руку.

– Служу Советскому Союзу!

Руденко наградил оставшихся и отошел к массивному столу:

– Товарищи! Мы стоим на страже социалистической законности, защищаем правовые устои государства, стоим на страже интересов советского народа! Сегодня коммунистическая партия, советское государство и государственная прокуратура особо отметили ваш вклад в общее дело – укрепление советских законов и правовых норм во всех аспектах жизни нашего общества! Мы можем только предполагать, какие правовые коллизии и вызовы ожидают нас в будущем. Но опыт вашей работы бесценен, личным опытом вы расширили и обогатили методы работы государственной прокуратуры! Наша партия, наше государство, наш народ ждет от вас столь же плодотворной работы в будущем! Я поздравляю вас с пятидесятилетием советской прокуратуры! Товарищи, вы – пример для своих коллег и грозный противник врагов советского государства!

– Служим Советскому Союзу!..

Ефим Павлович вздрогнул, выронил все-таки портсигар и проснулся. За окном стемнело. Шли последние дни марта. Он щелкнул зажигалкой. В номере было темно, тусклый свет с улицы немного оживлял обстановку. Он прикурил и снова откинулся на спинку кресла. Вспомнив своего дядю и товарищей по самым значимым и запутанным делам молодости, он невольно разворошил воспоминания о тех днях.

– Как же давно это было, – прошептал он. – И ведь ничего этого не было бы сейчас… Но нет, все что должно было случиться – случилось.

В марте тысяча девятьсот пятьдесят пятого года его дядя – следователь по особо важным делам при генеральной прокуратуре СССР, с которого он брал пример и по его же стопам пошел работать в прокуратуру, настоял на включение его в особую следственную группу. В то время Ефим Павлович работал следователем в прокуратуре города Перово Московской области. Работал энергично, брался за дела любой сложности. Начальство его ценило. Но и для него стало неожиданностью решение Николая Ефимовича. Тем более, что для недоброжелателей оно стало поводом подчеркнуть родственную связь Пресняковых. В разговоре он заикнулся было, а стоит ли дразнить гусей? Но дядя его сомнения пресек:

– Я включил тебя в группу не как протеже. Мне нужен человек, которому я смогу доверять как самому себе! Дело сложное, детали обсудим позже. Коллегам и специалистам, включенным в состав группы, я полностью доверяю – сам отбирал экспертов. Но вот на местах нас ожидает сложная и противоречивая обстановка. С товарищем Руденко твою кандидатуру я обсудил. Он не возражает. Но если для тебя мнение злопыхателей перевешивает мнение генерального прокурора и мое мнение, ты вправе отказаться от участия в этом расследовании.

– Ни в коем случае! Я ждал такой приказ, ждал такой сложной и ответственной работы! Дядя Коля… Николай Ефимович, я оправдаю возложенное на меня доверие и отдам все силы для выполнения своего долга!

Дядя вышел из-за стола и обнял его:

– Ефим Павлович, твой отец хотел бы того же! Тридцать лет назад, и тоже в марте, Феликс Эдмундович по какой-то причине выделил меня из группы курсантов школы пограничников[9]. Быть может, он увидел во мне то, что я вижу сейчас в тебе: ум, способности, преданность делу. Пограничником я не стал, но со временем понял, что граница между нормальной жизнью и беззаконием проходит в наших городах и селах, на заводах и через совхозные поля. Феликс Эдмундович так же понимал эти моменты. Я знаю, ты пойдешь до конца. Каким бы сложным,

[9] Имеется в виду Высшая пограничная школа ОГПУ, основанная 30 ноября 1923 года.

запутанным и опасным дело ни оказалось, ты выполнишь свой долг и пойдешь до конца. Все это я донес до генерального прокурора. Это пропуск в большую жизнь, сынок. Оправдай наше доверие! Враг никогда не оставит попыток уничтожить нашу страну. Это только кажется, что классовые бои ушли в прошлое. Враг затаился, он рядится под рабочих и служащих, он надел маску интеллигенции. Но он все так же ненавидит страну рабочих и крестьян и только ждет удобного момента, чтобы снова закабалить нас и заставить гнуть на себя спину. Мы должны быть готовы к новым классовым боям. Пока что эта война идет исподтишка, из-за кордона. Главная задача противника – разложить наше общество на бедных и богатых, снова заставить людей завидовать друг другу и друг друга ненавидеть… – он внезапно прервался. – Скоро ты увидишь это собственными глазами. На сборы и подготовку остались сутки! Поговори с женой, она должна привыкать к таким командировкам. У тебя их будет много. Проверь оружие, приготовь обмундирование для работы в тяжелых условиях. Все должно быть при себе. Завтра в десять часов утра вылетаем в Свердловскую область, – он протянул племяннику папку с необходимыми для ознакомления материалами. – Информация неполная и противоречивая, присутствуют моменты необъяснимые. Но мы разберемся в этом деле. В составе нашей группы будут ученые и специалисты узкого профиля. От нас, следователей прокуратуры, требуется свести воедино все аспекты этого запутанного дела, отмести налет мистицизма и религиозного психоза. Мы должны установить причины происходящего и найти очаг саботажа советской власти. Наша задача не только в поимке преступников, наша обязанность – привести обстановку на местах к нормам советского общества.

Они находились в кабинете Николая Ефимовича. В этот момент через открытую форточку донесся приглушенный расстоянием бой кремлевских курантов. Был полдень понедельника, четырнадцатое марта одна тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. В январе того года Ефиму Павловичу исполнилось двадцать пять лет.

Утром он посидел на дорожку, поцеловал на прощание супругу с сынишкой и захватил вещмешок с обмундированием и чемодан с прочими вещами и принадлежностями. Возле подъезда уже ждал автомобиль. Водитель помог загрузить вещи в багажник. В машине, кроме Николая Ефимовича, находился плотный мужчина пятидесяти с небольшим лет. Он был гладко выбрит, носил очки в толстой роговой оправе, одет был в темно-серое пальто из добротного материала и широкополую твидовую шляпу. Он протянул руку для пожатия и представился:

– Горшенев Федор Борисович, доктор исторических и философских наук, антрополог, специалист по религиозным системам.

Его рукопожатие оказалось неожиданно сильным, хотя сама ладонь казалась слишком мягкой для этого.

– Пресняков Ефим Павлович, – ответил на его пожатие Пресняков-младший. – Следователь прокуратуры.

– Рад нашему знакомству! Что вы думаете о деле?

– Для выводов слишком мало фактов. Думаю, на месте мы получим всю необходимую информацию.

Николай Ефимович сделал такое движение, словно хотел оглянуться на них.

Тем временем машина выехала со двора. Со всех сторон гудел транспорт. Пешеходы шли по дорогам и тротуарам, перебегали с одной стороны улицы на другую. Возле стеклянных витрин магазинов скапливались небольшие заторы. Отягощенные вещмешками и рюкзаками жители Подмосковья переходили от одного магазина к другому. Вокруг царила привычная городская сутолока буднего дня.

– Уже третий день я размышляю о предстоящем деле, – тем временем говорил Горшенев исключительно для Ефима Павловича. – И некоторые детали явно выбиваются из логики происходящего в этих деревнях.

– Федор Борисович, – Пресняков-старший все же оглянулся на него. —Давайте не будем спешить с гипотезами. В научном мире принято дискутировать по любому поводу. Но мы с вами не мотыльков сачками ловить собираемся. Многие судьбы уже сломаны, а сколько будет еще сломано, мне и подумать страшно.

– Я ознакомился с вашими материалами, – кивнул тот. – Но ведь это усеченный, так сказать, ознакомительный вариант. Николай Ефимович, я бы с удовольствием занялся изучением более обширного свода данных. Честно говоря, мне непросто занять себя созерцанием окрестностей. А мы ведь до места назначения доберемся лишь к ночи.

– Нам выделили самолет, так что прибудем к вечеру по местному времени. В Свердловске не задержимся, все детали с местным руководством уже обсудили по телефону. Скорее всего, к ночи мы будем в Зенько́во[10]. Сразу с Уктуса отправимся к месту назначения.

– Какая неожиданная оперативность, – заметил Горшенев таким тоном, что Пресняковы одновременно посмотрели на него. – И это замечательно! – поправился он. – Я был бы счастлив, если мои экспедиции обеспечивались всем необходимым так же оперативно. Иногда и по пять лет приходится ждать. А некоторые так и останутся розовой мечтой. И очень жаль, знаете ли! В некоторых областях знаний мы отстаем от стран запада уже на несколько десятилетий, хотя в чем-то можем и фору дать. А предмет моих исследований до сих пор не изучен. Даже не брались! Я не просто пытаюсь доказать, я докажу наличие реликтовых видов как животных, так и человека! Для понимания происхождения нашего вида открытия в этой области не имеют равных по значимости. А подтверждение моих гипотез и изысканий мгновенно выбьет последние костыли у креационистов[11].

– Очень интересно! – заметил Николай Ефимович. – Насколько я знаю, в Академии наук отношение к вашим исследованиям неоднозначное. Две предыдущие экспедиции не предоставили ученому совету надежных доказательств ваших теорий.

– Я польщен, вы изучили некоторые аспекты моей научной деятельности, – усмехнулся Горшенев. – Доказательства ученому совету мы предоставили, но они спорные. Простите меня за излишний пафос! Но с моей легкой руки, советская наука получила доступ к исследованиям абсолютно немыслимым за всю историю человечества!

Ефим Павлович коротко глянул на него. Казалось, что Горшенев высказался с долей сарказма. Но ничего подобного он не заметил, ученый явно не кривил душой.

– И какова же суть ваших гипотез? – после ощутимой паузы спросил он.

– Молодой человек, что значит для вас, так называемый, дар божий – наша способность не просто формулировать свои переживания, ощущения и различный опыт, но иметь возможность без усилий обмениваться этой информацией с другими?..

Незаметно они добрались до аэропорта Внуково, проехали до взлетной полосы. Возле трапа Ил-14[12] неторопливо прохаживались прибывшие члены следственной группы. Примерно половина из них была в форме прокурорских работников, остальные в гражданской одежде. Николай Ефимович приказал следователям прибыть на самолет в форме, чтобы на месте с первых же минут показать серьезность десанта из Москвы.

Едва выбравшись из машины, Горшенев с распростертыми объятиями направился к такому же высокому и плотному человеку, как и он сам.

---

[10] Рабочий поселок Зенько́во (Зенько́вский р-н) – вымышленный район в черноземной полосе на границе Свердловской и Тюменской областей.

[11] Сторонники религиозного мировоззрения сотворения вселенной, человека и всего сущего божественным Творцом. Опираются на священные тексты и описания акта божественного творения.

[12] В 1950-60 годы самый распространенный пассажирский самолет на внутренних авиалиниях СССР.

– Я бесконечно рад видеть вас, Сергей Георгиевич! – провозгласил он так громко, что все стоявшие возле самолета обратили на них внимание. – Какая же это приятная неожиданность увидеть вас здесь!

– Федор Борисович?! Дорогой вы мой! – в тон ему откликнулся тот и поспешил к нему навстречу. – Какими же ветрами вас сюда занесло?

Увидев руководителя группы, следователи выстроились в шеренгу. Ефим Павлович тоже занял место с дальнего конца. Гражданские специалисты с интересом наблюдали за ними. Только Горшенев со своим знакомым неторопливо прохаживались возле хвоста и оживленно беседовали. Кажется, они говорили на французском языке. Лишь изредка доносились русские слова и русские имена:

– Барченко… Мереченье… Сейдозеро…

– Здравствуйте, товарищи! – Пресняков-старший прошел вдоль шеренги, осматривая каждого. – Все в сборе, начинаем посадку! Добавить мне нечего. С каждым из вас я беседовал отдельно. Вы знаете, какое непростое расследование нас ожидает! Начинаем посадку!

Под крылом самолета проплывали города и веси родной страны. Ефим Павлович смотрел в окно, буквально наслаждаясь открывшимся простором. Их путь лежал на восток. Незаметно обжитые места с городами и поселками сменились снежной целиной и обширными лесными массивами. Кое-где ландшафт прорезали реки, льды во многих из них были заранее переколоты взрывами. Ниже по течению они уже темнели от паводка. А потом потянулись однообразные степные просторы с редкими нитями железных дорог и поселками, с улицами закопченными от сжигаемого угля. Казалось, чем ближе подлетает самолет к Уральским горам, тем суровей становится природа. Сперва потянулись под крылом лесостепи с башкирскими деревушками в окружении заснеженных полей и лугов, по которым уже бродили гурты коров и овец. А потом вдруг равнины вспучились и покрылись хвойными лесами и распахнулись перед взором Уральские горы.

– Седой Урал! – Горшенев обернулся к Ефиму Павловичу. – Бывал я в этих местах не раз! В такие дебри забирался, что иногда думал: «Все, конец мой пришел!» И чего только не повидал в этих древних, поистине сказочных краях! Здесь, Ефим Павлович, заканчивается наш предсказуемый, известный, измеренный до сантиметра мир и начинается terra incognita[13]. Как бы мы не тщились заполнить карты и справочники данными экспедиций, а они все равно неполные! А уже за Уралом раскинулась Сибирь! А это уже, знаете ли, даже не белое, а самое настоящее слепое пятно в наших знаниях! А ведь здесь почти полтысячелетия русские люди живут бок о бок с древними народами и седыми легендами. Это всегда был очень тонкий и опасный рубеж! Порядок здесь всегда стоял на крови и костях. И люди уходили дальше, они шли все дальше в поисках свободы и лучшей доли. Но всегда уносили с собой зародыш несправедливости и террора, от которых бежали. И эта язва растекалась вслед за ними, словно облако тяжелого ядовитого газа. В этих краях жизнь всегда была непростой. По совести говоря, это каторжные края…

– Федор Борисович! – Пресняков-старший поманил его к себе. – Будьте добры обсудить со мной рамки и содержание ваших стихийных выступлений. Нам известна ваша пламенная манера произносить речи. Но товарищи на местах могут воспринять это не в вашу пользу. Федор Борисович, давайте потолкуем с глазу на глаз.

В начале седьмого часа уже по местному времени их самолет приземлился на Уктусе. Не успели они спуститься по трапу, как на взлетно-посадочной полосе остановилось несколько

[13] Terra incognita (лат.) – неизвестная земля, в прошлом картографы делали такую надпись на белых участках карт, еще не заполненных топографическими данными.

легковых автомобилей. Из них выбралось десятка два человек – местное руководство: партийные и советские начальники, представители прокуратуры и работники уголовного розыска. Пресняков-старший поспешил к ним навстречу, остальные в это время разминались после полета. В отдалении стоял ЗИС-151[14] и два трофейных Цюндаппа[15].

– Это для нас, – заметил Евгений Петрович Селиванов, один из пяти старших следователей прокуратуры в составе следственной группы. – Технику подготовили такую, что и вертолет не понадобится, только горючее успевай заливать. Ездил на трофейных мотоциклах, Ефим Павлович?

– Не приходилось.

– Ничего, сейчас наверстаешь. Через неделю сам за рулем будешь сидеть!

– Полагаете, к концу недели не закончим расследование?

– Как бы нам здесь на месяц не застрять, – усмехнулся Селиванов. – Бывал я в здешних краях и не раз. Чем дальше от Свердловска, тем сложней обстановка на самом деле. Промышленные города – это советская страна и советские люди. Но чем дальше в глубинку, тем меньше вы обнаружите советских порядков. Многие до сих пор промышляют золотодобычей и уральскими самоцветами. Слышали о таких? Много охотников-промысловиков, а им вообще неважно какая власть в городах. Артели лесозаготовителей в основном состоят из бывших заключенных. А теперь и в колхозах стало неспокойно. Ефим Павлович, я вас не пугаю, но оружие всегда должно быть при себе. Народ здесь живет отчаянный. В царское время местных с трудом в узде держали. Все себе на уме. В небольших городах и поселках люди вроде бы на заводах работают. Но у каждой семьи свой кусок земли и подворье. Традиция у них такая: скотину на мясо держать и овощи с грядок снимать. А ведь это даже не в сельской местности. А чем дальше в Сибирь или на север Урала, тем картина становится сложней. Там уже коренные народы своим укладом живут. Многие русского языка не знают. Непростое дело нас ждет, так что будьте готовы ко всему. В одиночку в этих местах ни шагу, только в связке с напарником.

– Я учту это, Евгений Петрович, – кивнул Пресняков.

Селиванов смотрел на него несколько мгновений.

– А вот давайте-ка мы с вами и будем в паре работать, – предложил он. – Все-таки кое-какой опыт работы в здешних краях у меня есть. Глядишь, друг у друга чему-нибудь и научимся. Не возражаете, Ефим Павлович?

– Буду рад работать с вами! – снова кивнул Пресняков.

– Очень хорошо. Николаю Ефимовичу о нашем решении я сам сообщу.

Тем временем обстановка изменилась. Группа, теперь уже вместе с гражданскими, выстроилась в шеренгу. Областные начальники речей произносить не стали, прошли вдоль шеренги и обменялись с товарищами из Москвы крепкими рукопожатиями. Сразу после этого к самолету подъехал грузовик с тентом, в него загрузили пожитки и оборудование группы. Селиванов предложил Преснякову ехать на мотоцикле. Он сел в коляску, а Ефим Павлович устроился на заднем седле за водителем. На втором мотоцикле ехали Горшенев со Смолиным. Водители выдали пассажирам защитные каски и очки.

– Из-за тента ты ничего не увидишь, – Селиванов незаметно перешел на «ты». – А Свердловск интересный город. На перепутье Европы и Азии все-таки построили. Ну, и сразу прочувствуешь окружающий мир: природу и все остальное. По ходу движения я тебе буду разъяснять некоторые моменты. В любом случае на мотоцикле передвигаться по местным дорогам будет удобней. Это я по собственному опыту знаю.

---

[14] Трехосный грузовой автомобиль повышенной проходимости, выпускавшийся на заводе ЗИС («Завод имени Сталина») после переименования на заводе ЗИЛ («Завод имени Лихачева») с 1946 г. по 1958 г.

[15] «Zundapp KS 750» – мотоцикл немецких войск для передвижения по бездорожью, выпускался на заводе «Zünder und Apparatebau G.m.b.H» в Нюрнберге с 1940 г. по 1944 г.

Пока они устраивались на мотоциклах, остальные поднялись на борт грузовика. Горшенев со Смолиным беседовали, не умолкая. Время от времени они переходили то на французский, то на латынь или греческий. Их водитель курил и время от времени сплевывал, наверняка их компания ему не нравилась. В какой-то момент Николай Ефимович поднялся на подножку грузовика со стороны пассажира и дал отмашку. Областное начальство принялось махать им вслед, а милицейские чины взяли под козырек.

С Уктуса через районы частного сектора и лесные массивы выбрались на Сибирский тракт и поехали в сторону Камышлова. Сгущались сумерки. Пока ехали через город, Ефим Павлович обратил внимание на кварталы частных домов. Как и говорил Селиванов, за каждым бревенчатым домом был большой земельный надел. Судя по темным кучам навоза на грядах, скотину держали на каждом подворье. Все это тем не менее органично переплеталось с продуктовыми магазинами, тумбами городских объявлений и яркими афишами местных театров и кинотеатров. В сизой дымке на горизонте угадывался многоэтажный центр города. Со всех сторон в отдалении и среди лесных массивов дымили заводские трубы. Транспорт группы пересекал железнодорожные переезды. А потом город закончился и потянулись по обе стороны улицы заводских поселков. А потом и они остались за спиной. Развернулась под темнеющими небесами тайга. Временами она обрывалась, и от горизонта до горизонты распахивались заснеженные поля с далекими деревушками, затерянными среди них. То тут, то там, и совсем близко к тракту, вдруг вырастали из земли разрушенные храмы, огромные и величественные даже в таком состоянии. В отдалении от них как правило ютилось с дюжину деревянных домиков. Окна в них уже мерцали электрическим светом. А на редких уличных фонарях раскачивались на ветру стальные плафоны с яркими лампами. Под фонарь неожиданно выскакивала ватага мальчишек, и они начинали свистеть вслед колонне, размахивать руками и кричать что-то неразборчивое.

– Так и живут! – время от времени перекрикивал Селиванов шум от мотоцикла. – Ребятишки в основном живут в интернатах, после семилетки поступают в ремесленные училища, там тоже живут в общежитиях. Сейчас время каникул, школьники из интернатов разъехались по домам. Но что же поделать?! – обычно добавлял он специально для водителя. – Сейчас вся страна так живет!

Незаметно вечерний свет иссяк. Луч от фары прыгал по наледи, натопленной весенним солнцем с темных сугробов за обочиной. За спиной слышался гул грузовика. Колонну замыкал мотоцикл с учеными. Поля все так же перемежались тайгой. Но в темноте уже изредка можно было заметить столб с фонарем возле сельсовета. А там, где сельсовета не было, не было и фонарного столба.

Следственную группу словно затягивало в воронку темного омута. Не было видно ни звезд над головой, ни электрических огней в деревеньках среди полей. Только прыгал луч фары по неровной дороге. И временами Ефиму Павловичу начинало казаться, что это не ночное небо раскинулось над ними, а от горизонта до горизонта древний дракон развернул свои темные крылья.

В Зеньково они прибыли в одиннадцатом часу вечера. Колонна остановилась перед зданием райкома партии. Все окна в нем были освещены. Свет горел и в окнах райисполкома. И в отделении милиции светились все окна. Партийная и советская власть в Зеньково соседствовала перед ухоженным сквером. На другой стороне сквера темнело здание поселкового клуба.

Приезжих встретил районный прокурор с помощниками.

– Здравствуйте, товарищи! Я Овсянников Борис Сергеевич, районный прокурор Зеньковского района, – представился он. – Пройдемте в райком.

Вслед за коллегами приезжие поднялись на широкое крыльцо. Над ним хлопал на ветру флаг.

В поселке было тихо. По редким уличным фонарям угадывалось несколько улиц. Ефим Павлович последним поднялся на крыльцо и оглянулся. Водители курили и пересмеивались, они были довольны – несколько часов пути наконец остались за плечами.

Экстренное заседание провели в актовом зале. Всем составом присутствовали работники райкома партии, райисполкома народных депутатов и личный состав отделения милиции. Николай Ефимович поздоровался с собравшимися.

– Товарищи, я благодарю вас за стремление оказать неотлагательную помощь в следственных мероприятиях! И с каждым из вас я буду беседовать лично. Но в данный момент я прошу остаться только секретарей райкома партии, председателя райисполкома и его помощников, коллег из районной прокуратуры, начальника отделения милиции и его заместителя, оперуполномоченных уголовного розыска и оперуполномоченного БХСС. Помощь остальных пока что не требуется. Доброй ночи, товарищи! Отдыхайте, набирайтесь сил. Начиная с завтрашнего дня нас всех ждет непростая и ответственная работа!

После его слов по рядам собравшихся пронесся вздох облегчения. Через минуту в актовом зале осталось только ядро местной власти.

– Товарищи, знакомиться будем по ходу заседания! Но заочно мы уже знакомы. По крайней мере, я с анкетами присутствующих ознакомился. Информация обо мне и следователях вам тоже известна. Я предлагаю заострить внимание на спонтанности повсеместного отказа сельчан приступить к подготовительным работам посевной! Либо поставить меня в известность о причине данных событий! Если она кому-либо известна… – он сделал продолжительную паузу, но собравшиеся безмолвствовали. – По отчетам наших коллег и данным, поступившим по партийной линии, нам неизвестны зачинщики саботажа сельхозработ. А с уже задержанными по этому делу будут работать лучшие следователи из нашей группы. Также нам неизвестен источник идей религиозного и мистического содержания, ставших основой для массового противодействия сначала хозяйственному активу на местах, а позже активного противодействия работникам советского и партийного руководства района.

– Товарищ Пресняков, разрешите! – дородный мужчина в полувоенном френче подошел к трибуне. – Я первый секретарь райкома партии Сапегин Иван Никифорович. Я не снимаю с себя ответственность за сложившуюся обстановку. Нам необходимо остановить опасный психоз на религиозной почве, вызвавший неповиновение как по хозяйственной части, так и активное сопротивление советскому образу жизни. Искать виновных и сводить счеты будем позже, когда вернем жизнь района в нормальное русло! Хотя некоторым товарищам уже не терпится все списать на ошибки, допущенные в ходе нейтрализации, не боюсь этого сказать: вражеских влияний на колхозников и даже на работников совхозов! Где мы упустили момент? В чем именно мы просчитались? Не в последнюю очередь для ответов на эти вопросы мы пригласили товарищей из центра!

– Спасибо, Иван Никифорович! – кивнул Пресняков. – Я внимательно изучил все доступные материалы. И пока что могу предположить только одно. Моментом, когда вы выпустили ситуацию из-под контроля, стало ваше решение заключить под стражу предполагаемых зачинщиков саботажа. Никто не предполагал, что это станет поворотным моментом. Люди, возможно, даже случайные, в глазах колхозников превратились в мучеников.

– Николай Ефимович, я могу высказать свое мнение и уточнить некоторые детали этого самого момента? – во втором ряду поднялся районный прокурор.

– Пройдите к трибуне, Борис Сергеевич!

Уже возле трибуны Овсянников переглянулся с Сапегиным. Местное руководство придерживалось определенной тактики, но другого приезжие и не ожидали. Пресняков-старший оглядывал собравшихся. Он знал, что среди них находится работник госбезопасности. Но ни в Москве на самом высоком уровне, ни в телефонных переговорах с областными руководителями личность этого человека ему не раскрыли. Обсуждая некоторые моменты с генеральным

прокурором, он высказал мысль, что ни те, ни другие тоже не осведомлены о нем. Николай Ефимович понимал, что такая конспирация имеет серьезные основания. И знал, что в скором времени он откроется ему.

А Ефим Павлович уже несколько раз поймал на себе взгляд темноволосой девушки – помощницы Овсянникова. Она казалась миниатюрной среди рослых широкоплечих мужчин. Время от времени она бросала на него короткий взгляд, а потом уже неторопливо разглядывала остальных приезжих. Рядом с ней сидел другой помощник Овсянникова, он был невысоким и сухопарым, и тоже казался на заседании ни к месту.

– Товарищи! – голос районного прокурора перекрыл внезапно усилившийся гомон. – Как сказал Иван Никифорович, никто с себя ответственности не снимает. И никто не позволит нам снять ее с себя! В данный момент нам нужно остановить брожение в умах и как можно быстрее пресечь источник этого брожения. Обстановка в районе всегда была сложной. Об этом в областном центре знают. Война унесла жизни пятисот молодых мужчин из нашего района. А это пехотный батальон, товарищи! Война вырвала из наших рядов коммунистов и комсомольцев, которые могли бы изменить сегодняшнюю ситуацию в корне. А скорее всего, не допустили бы саботажа! И это тоже подоплека возникшей ситуации! Нам до сих пор не хватает здоровых мужских рук…

Николай Ефимович смотрел на выступающих и понимал, что они так и не смогли выяснить настоящих причин отказа колхозников приступать к посевному сезону. Сейчас каждый из них задним числом понимал, что лично на его жизни события этого года отразятся негативно. И среди них тоже началось брожение. Большинство еще не осознало этого. Они так тщательно готовились к приезду москвичей, продумали и обсудили тактику, каждому отвели определенную роль. Но жизнь разрушает даже самые прочные конструкции. А их сплоченность с самого начала не была монолитной.

К двум часам ночи высказались все местные руководители и часть приезжих. У москвичей уже слипались глаза – сказывался перелет и дорога. Николай Ефимович закончил заседание коротким напутствием ко всем собравшимся:

– Товарищи, с девяти утра следственная группа приступает к выполнению необходимых мероприятий. Прошу районное руководство к полудню устроить специальные ящики для анонимных доносов на входах в магазины, в почтовом отделении и возле всех государственных учреждений. Отдыхайте, товарищи! Расходимся!

– Товарищи москвичи! – обратился к приехавшим председатель райисполкома Первушин Илья Трофимович. – Вас разместили в интернате! Дети на каникулах. Койко-места готовы, столоваться будете там же. Если будут предложения по питанию, наш повар – Галина Николаевна Елистратова отнесется к ним со вниманием! Она у нас по совместительству и завхоз, проживает в квартире там же в интернате. Если будут вопросы по обустройству, обращайтесь к ней. Двери моего кабинета и всех руководителей района для вас открыты в любое время! Товарищи, я провожу вас до интерната! Дорога займет не больше пяти минут, будете дольше грузиться в транспорт. Ваши вещи и оборудование будут находиться под присмотром милиции. Вещи разберете с утра! А сейчас вам отдохнуть нужно!

Они вышли из райкома. В поселке царила ночная тишина. Спокойно мерцали уличные фонари. Почти все окна в райкоме и остальных зданиях были темны. Приезжие простились с местным руководством. До интерната их провожали председатель райисполкома и начальник милиции.

– Вам бы у нас не при таких обстоятельствах оказаться, – говорил по дороге Первушин. – Места наши богаты ягодой, рыбой, в лесах полно зверя и дичи! Конечно, несознательные граждане пытаются хищничать. Но Василий Трофимович и его сотрудники дают укорот браконьерам. Работает и служба лесного хозяйства. Да, – неожиданно вздохнул он. – Но вот сами

видите, чем прославились… Не самыми высокими надоями молока по области, а мракобесием и массовым психозом.

– Вот товарищи из Москвы как раз и выяснят, что это за массовый психоз, – кивнул Русаков. – Мы с тобой все варианты перебрали, а до правды так и не добрались. А психоз ли это? Может, это тщательно продуманная тактика врага? Надо бы расстрелять двоих-троих по законам военного времени. Остальные моментально в сознание придут! Или я не прав? Революционный террор и не такие язвы каленым железом выжигал.

Было заметно, что председатель райисполкома и начальник милиции приятели.

– Ты, Василий Трофимович, опять за свое!

– А как еще, скажи на милость?! Они объявили нам войну. Значит, и приговор нужно выносить по законам военного времени.

Товарищи из Москвы помалкивали. За пять минут дороги от райкома до интерната на каждого из них навалилась одуряющая усталость. Даже щепетильный в таких вопросах Николай Ефимович пропустил мимо ушей предложение Русакова приступить к расстрелам без суда и следствия.

Сквер с госучреждениями на самом деле был центром местной географии. Тянулись от него на четыре угла широкие улицы, а уже они ветвились жилыми кварталами. Они шли по улице с двухэтажными деревянными бараками. Редкие фонари выхватывали из темноты нехитрую обстановку: дощатый тротуар, уже оттаявшую до грунта дорогу с ледяной корочкой в колеях, широкие обочины с утоптанным грязным снегом. Потом развернулся пустырь, огороженный невысоким беленым частоколом, калиткой и воротами, над которыми белел какой-то лозунг с темными буквами, надпись невозможно было разобрать в потемках. Посреди пустыря темнело двухэтажное здание с освещенным высоким крыльцом. Это и был интернат.

Как только Первушин отворил калитку, на крыльцо вышла высокая женщина в длинном пальто. Наверное, завхоз и повар Елистратова поджидала их возле окна на входе. Ее лицо тоже белело под копной темных волос, но черты ее лица невозможно было разобрать, как и буквы на лозунге.

– Галина Николаевна! Товарищ Елистратова, вот и гости твои наконец добрались! – зычно провозгласил Первушин. – Заждалась уже! Встречай гостей хлебом-солью!

Она ответила на его речь улыбкой. Химия между ними чувствовалась сразу.

– Здравствуйте, товарищи, – произнесла мягким и негромким голосом. – Чувствуйте себя как дома! Сейчас я поясню, как обустроен интернат. Столовая, как и кухня с гардеробом и уборными, находятся на первом этаже. На втором этаже находятся спальни. Вас пятнадцать человек. Я приготовила в трех комнатах по пять постелей, чтобы вы не мешали друг другу. Ну вот, кажется, и все! Прошу вас! Столовая налево, поешьте перед сном и ложитесь отдыхать.

Утром Ефиму Павловичу показалось, что не успел он закрыть глаза, как тут же прозвенел будильник. Времени было около восьми часов. Он сел и с силой растер лицо. Николай Ефимович стоял возле окна. Солнце уже взошло, но утро было неярким, то ли окна выходили на северную сторону, то ли небо было затянуто облаками. Ефим Павлович наскоро оделся, захватил щетку с зубным порошком и пошел в уборную. На лестнице он столкнулся с подсобным рабочим – не старым еще, но каким-то изможденным мужчиной в ватных штанах и ватнике, обут он был в обрезанные по щиколотку валенки в чунях. Он нес охапку дров, видимо, протапливал голландки в их спальнях. Печи были расставлены так, чтобы отапливать сразу по две спальни, их дверки выходили в коридор.

– Здравствуйте, – невнятно пробурчал истопник.

– Доброе утро! – кивнул в ответ Ефим Павлович.

Если бы он не работал в подобных районах по месту службы, обстановка наверняка подействовала на него угнетающе. Но пока что бóльшая часть народа так и жила, война нанесла удар по крепнущей экономике и быту страны Советов.

Спустя десять минут все, кроме двух друзей-ученых, собрались в столовой. Галина Николаевна уже накрыла на стол. Меню было небогатым, но весьма калорийным: тушеный картофель с мясом, сладкая пшенная каша, сдобренная сливочным маслом, горячий чай, свежее коровье молоко и домашнее печенье на сметане.

Ученые появились к концу завтрака, они выглядели отдохнувшими и довольными.

– А мы, знаете ли, чудно прогулялись по окрестностям! – громогласно заявил Горшенев. – Приятного аппетита, товарищи!

Они сели за стол и продолжили беседу на французском. Галина Николаевна присела к ним и тоже включилась в разговор. Судя по тому, что ученых это не удивило, на французском они разговаривали с ней уже по прибытию. Слушая их, несложно было представить, что находишься в дореволюционном светском салоне, либо во Франции.

Закончив завтрак, Николай Ефимович некоторое время сидел, перелистывая записную книжку. Когда с завтраком закончил последний из коллег, он встал и поблагодарил Галину Николаевну за угощение. Вслед за ним поднялись остальные, только ученые продолжали постукивать ложками по тарелкам.

Так же группой они вышли из интерната и направились к райкому. Пока что следователи носили форму. А гражданские специалисты уже надели стеганные штаны и куртки[16]. Со стороны десант из Москвы выглядел внушительно. Только ученые не сменили пальто и шляпы на повседневную одежду в полевых условиях.

Николай Ефимович поставил перед каждым задачу еще за завтраком. Как только они оказались перед госучреждениями, группа разделилась, часть направилась в райком, часть в райисполком, часть в отделение милиции и прокуратуру. Ученые взяли курс на поселковый архив. Пресняков подошел к водителям и коротко переговорил с ними.

К полудню следственные мероприятия накрыли весь поселок. Николай Ефимович остался в райкоме, как он и обещал на ночном заседании, – опросил каждого партийного и советского работника, работавшего в поселке. Племянника вместе с Селивановым он отправил допрашивать арестантов. Тех еще не перевезли в областной центр и содержали в КПЗ. Была среди них и женщина, благо, что камер предварительного заключения было две.

Допрашивать решили по одному подозреваемому. Заняли кабинет заместителя начальника по оперативной работе. Хозяин кабинета переговорил с ними накоротке, выложил на стол все материалы, собранные милицией по этому делу, и ушел на станцию МТС[17]. Ночью там произошла пьянка с поножовщиной, сейчас предстояло выявить всех участников и пострадавших. Ни обращений в милицию, ни тем более заявлений от пострадавших так и не поступило. Собственно говоря, их и не ждали.

– Вот сейчас мы и нащупаем местную почву под ногами, – сказал Селиванов, приготовив блокнот и футляр с заправленными авторучками.

Первым на допрос привели Чащина Афанасия Петровича, как предполагаемого зачинщика саботажа. Это был высокий сухопарый мужик шестидесяти трех лет, хотя по внешнему виду ему можно было дать и за восемьдесят. Кожа на его лице была изборождена глубокими морщинами, из-за них глаз почти не было видно. Клочковатая седая борода и давно нестриженные волосы обрамляли лицо.

– Присаживайтесь, Афанасий Петрович, – пригласил его к столу Селиванов. – Давайте знакомиться. Мы следователи генеральной прокуратуры из Москвы. Я Селиванов Евгений Пет-

[16] Другое название ватников.

[17] МТС (машинно-тракторная станция) – государственное предприятие для технического обслуживания колхозов.

рович. Второго следователя зовут Ефимом Павловичем. И мы хотели бы услышать вашу версию произошедшего, – он постучал по папке с его делом. – Рассказывайте все без утайки, Афанасий Петрович. Запираться и вводить следствие в заблуждение не в ваших интересах. Почему колхозники отказываются приступать к весенне-полевым сельхозработам?

– Так это, мил человек, всем известно! Почто меня в каталажку для этого запирать? Я и следователю все как на духу выложил… Убили царя, не будет теперь Расеи! Бес не все может. Бесу время надо, чтобы Расею погубить.

Селиванов с Пресняковым переглянулись, в делах подозреваемых ни таких фраз, ни подобных формулировок не было. Словно, арестанты договорились излагать для приезжих следователей новую версию событий.

– Афанасий Петрович, революция без малого как сорок лет назад свершилась. А расстреляли в городе Екатеринбурге уже не царя, а гражданина Романова.

Чащин усмехнулся:

– Вот я о русском царе и говорю. Вы его секретарем партии называли. А для нас он царем был. И разве не был он царем? Столько силы и власти! Кто перед ним не трепетал? Кто как не царь отстоял Расею в войне? Вот то-то и оно, мил человек!

– То есть, вы сейчас о товарище Сталине говорите? – уточнил Селиванов.

– А о ком же еще? Погубили вы царя у себя в Москве. Теперь Расее конец! И зачем нам землю пахать и хлеба сеять?! К осени бес всех погубит! Всё в огне сгорит! Что ж нам, на беса выходит работать?! Не будем мы на него работать!

Селиванов несколько мгновений молча разглядывал его.

– Кто вам внушил такие мысли? Назовите человека, распустившего эти слухи по деревням.

– Да, откуда же мне знать фамилии писателей? Они же во всех газетах это понаписали и сейчас пишут.

– Афанасий Петрович, у вас остались эти газеты?

– А что ж их искать-то? И в городе они есть. В читальне их полно!

– Назовите название этих газет. Вы же грамотный человек? Вы сами читали эти газеты или кто-то зачитывал вам подобные статьи?

– Грамотные мы, – кивнул Чащин. – А газеты обыкновенные: «Правда», «Известия», «Сельское хозяйство»[18]. Только времени у нас на газеты нет, не читаем мы их.

– То есть, именно в газетах о «царе» и прочем вы не читали? Кто-то пересказывал вам некие газетные статьи? Назовите фамилию этого человека.

– Отчего же на перекурах не почитать?! У нас кто не курит, тот и читает. Или шибко грамотные читают. Нам то это зачем?

– Понятно, – кивнул Селиванов. – И много у вас этих «шибко грамотных» людей?

– Да, почитай, все комсомольцы.

Селиванов с Пресняковым снова переглянулись. Обоим стало понятно, что арест Чащина не был произволом. За простоватой внешностью скрывался сообразительный и хитрый человек. Он даже сейчас исподволь и довольно умело запутывал следствие. По крайней мере, впечатление создавалось такое.

– И что же там в газетах было написано о смерти «царя»?

– Известно, что было написано: не уберегли царя, сначала врачей его разогнали и пересажали, а потом и самого погубили! Врачей-то не было царя спасти! Вот и умер царь!

– Погодите-ка, дорогой вы мой человек, – с расстановкой произнес Селиванов. – На допросах вы все это уже излагали или договорились так говорить к нашему прибытию? Вы знали, что из Москвы следователи едут?

---

[18] До 1953 года «Социалистическое земледелие», после 1960 года «Сельская жизнь».

– Отчего же не знать-то?! Все про это знали.

– Ефим Павлович, вы успели записать показания подозреваемого?

– Да, из слова в слово.

– В таком случае, отойдем к окну – пошепчемся!

Они на самом деле отошли к окну и принялись переговариваться вполголоса. При этом оба не сводили с арестанта глаз.

– Ефим Павлович, ты понимаешь, что здесь произошло?

– Утаивание достоверной информации? Вы это имеете в виду?

– И это тоже. Но однажды я уже сталкивался с подобным. Колхозники создали миф. Из достоверной информации до нас дошел только вывод о том, что деревни захлестнул религиозный психоз. Но мы с вами выяснили, что этот психоз имеет под собой отнюдь не религиозную подоплеку. И должен быть тот, кто смог увязать разрозненные события и распустить, по сути своей, чудовищные слухи. Но это уже зацепка!

– Согласен с вами, – кивнул Пресняков. – Я могу допросить остальных в другом кабинете. Теперь я знаю, о чем именно спрашивать. А вы занимайтесь Чащиным.

– Да, мы так и поступим. Думаю, удастся вытянуть из него еще много интересного. Вопрос в другом, если они, не таясь, рассказали подоплеку неповиновения, как это могло быть неверно интерпретировано местными коллегами? Я опасаюсь, что дело может оказаться еще сложней, чем предполагал. Но мы все выясним! Сейчас я схожу на доклад к Николаю Ефимовичу. Охрана! – громко сказал он и добавил, когда конвойный появился: – До моего прибытия глаз с подозреваемого не спускать!

Он стремительно вышел из кабинета.

3. Стая

Лосик пронзительно свистнул и улыбнулся. С балок, с высокого потолка опрокинулся иней. Он сеялся в воздухе невесомым полотнищем и вскоре покрыл бетонный пол белоснежным покрывалом. Здесь за ветром было намного теплей. А еще он мимолетно подумал, что вслед за ними прилетят прирученные гавриками голуби. По утрам они будут стремительной стайкой кувыркаться над ангаром, будут сидеть на перекрытиях под крышей, будут ласково переговариваться в вечерних сумерках, гадить, драться и добивать своих. Как это делают люди. Он нахмурился, увидев все это так отчетливо, словно побывал в будущем и оглянулся на приоткрытую дверь.

В его жилах текла русская и польская кровь. Но со временем славянского в чертах лица почти не осталось. Узкие темные глаза и прямые волосы, которые с годами стали иссиня-черными. Широкие скулы, волевой подбородок, четко очерченный, короткий вздернутый нос и длинный почти безгубый рот. Он словно сошел с небрежных и тонких азиатских рисунков на рисовой бумаге с лицом неподвижным, бесстрастным и хищным, как у плотоядной птицы.

Сегодня его поиски летнего пристанища закончились. Он еще раз окинул ангар взглядом и свистнул. Но уже по-другому, не от избытка чувств, а коротко и требовательно. Сел на деревянный ящик и закурил. Он был доволен.

– Вот это берлога! – голос вошедшего раскатился по ангару и отскочил от высоких сводов.

– Химик, – улыбнулся Лось. – Мы все-таки не зря притащились сюда!

Один из появившихся в ангаре был его ровесником. Если бы не светлые волосы, выбившиеся из-под спортивной шапочки, их трудно было различить. Только когда Лосик поднялся с ящика, стало заметно, что он ниже и тщедушнее своего товарища. Второй, пацаненок лет одиннадцати, грязный, худенький оборванец доедал ватрушку с творогом.

– Лось, покурим, – он заискивающе улыбнулся и несколько раз подпрыгнул на месте, сбивая с ботинок налипшие комья снега.

– Не докурить, как бабу не допихать, – вполголоса заметил Химик, внимательно оглядывая ангар.

– Жмоня, – Лосик притянул к себе оборванца. – Сколько раз тебе говорить: не торопись, пережевывай, не глотай еду кусками. Двести грамм хорошо пережеванного хлеба – как двести грамм мяса.

Химик скептически усмехнулся и пошел вдоль стены. Повадками он напоминал дикую кошку.

– Покурим, – Жмоня снова подергал Лосика за рукав.

– Ватагу Рябчика в этих местах замели! – зычно произнес Химик.

– Рябчик всегда дураком был, – отозвался Лосик. – А дерьмо к нему само прилипало.

– Почему «был», почему «нарывался»?

– Ты не слышал?!

Жмоня сидел на ящике возле стены и осоловело смотрел на узкие окна под потолком, в его пальцах курилась почти дотлевшая сигарета. Его быстро сморило в тепле и в тишине. Бешеный ветер и яркое солнце остались за стенами ангара. Он изредка затягивался, слушая гул ветра снаружи.

– Что тут делали интересно? – Химик с Лосиком присели на корточки. – Гараж или мастерская?

– Гараж с мастерской…

Химик выгодно отличался от своих спутников, был одет по погоде, выглядел сытым и ухоженным. Он был вором-карманником и с беспризорниками путался только из-за Лосика. Они со времен детского дома считали друг друга братьями.

– Держи, Жмонька! – он бросил оборванцу пакетик леденцов, вынул из-за пазухи плитку шоколада и половиной угостил Лосика. Тот разломил свою долю и часть убрал в карман. Химик усмехнулся: – Зря ты с ней спутался. Кинет.

– Не кинет, – Лосик сплюнул. – Она верная.

– Весь мир – бардак, все бабы – бляди.

Лосик искоса посмотрел на него и тоже усмехнулся.

– Когда гавриков сюда приведешь? – спросил тот.

– Их сначала в кучу собрать надо.

– Чё ты с ними путаешься, братан? Тонну времени потерял! Займись реальным делом. Мы с тобой горы свернем и карманы баблом набьем!

– Не могу, – Лосик постучал себя по груди. – У меня вот здесь так много всего. Не могу я пацанов бросить, отвечаю за них.

– Ты только за себя отвечаешь, – Химик сплюнул и поднялся. – Херово это: спасать засранцев и самому становиться засранцем.

Он прошелся по хрустящему инею, попыхивая сигаретой. И сказал так громко, что из сумеречных углов снова выскочило гулкое эхо:

– Мы накажем их, Лось! Обнесем бобров[19], нычки жомкнем!.. Бля буду, фартанет… – Химик посмотрел на Жмоню. – Да, Жмонька?!

Тот очнулся от полудремы и рассмеялся дробным старческим смехом. И лицо у него вдруг тоже сделалось старым. А Химик теперь улыбался так, словно на самом деле видел счастье воровское. Смех в этом богом забытом месте казался звериным плачем.

Лосик подошел к воротам и с трудом приоткрыл вмонтированную в них дверь. Ослепительный солнечный луч взрезал сумеречную темноту ангара. Снаружи крутилась снежная круговерть. Он вышел на улицу и на мгновение захлебнулся от яростного ветра. Но все же сделал несколько шагов навстречу бешеной снежной круговерти. За его спиной высился огромный, вросший в сугробы ангар. А перед ним раскинулось поле в кипящей кисее снега. На горизонте бледное небо и поле сливались, а справа и слева темнел лес.

– Это будет, брат, будет, – прошептал Лосик и рассмеялся. Его лицо стало мокрым от растаявшего снега.

В последних числах марта, когда кодла обустроилась на новом месте, зима пуганула холодом. За ночь крепкий морозец сковал оттаявшую землю, и под грубо сколоченными нарами потянуло стылым сквозняком. Первым в то злополучное утро не выдержал Рубик. Шелестя мешком за пазухой, спрыгнул с нар и, лязгая от холода зубами, побежал разводить костер. Проснувшиеся гаврики наблюдали за ним из-под старых одеял и ветоши. Рубик навалил в костровище щепы с хворостом, запалил бересту и раскурил безобразный, засаленный окурок сигары.

Костер занялся ярко и дружно. Дым призрачным веретеном вытянулся к открытому на крыше люку. После этого на нарах зашевелились. От потревоженного тряпья и одежды поднялся удушливый смрад.

Лосик проснулся от шума за стеной. Он с подругой занял небольшую биндюгу в дальнем конце ангара. Лосик потянулся и осторожно сел, стараясь не потревожить ее. Отблески костра солнечными зайчиками играли в окне из стеклоблоков.

Он несколько мгновений заворожено смотрел на волшебную игру света. А потом, словно очнувшись, погладил подругу по мягким коротко остриженным волосам. Она вздрогнула от прикосновения и грациозно, возбуждая юные чресла, перевернулась на спину. Лосик прикоснулся губами к ее теплой щеке.

---

[19] Бобер – состоятельный человек, обычно коммерсант, как объект для грабежа (жарг.).

И в этот момент за стеной страшно со скрежетом грохнуло, и вслед за этим раздался оглушительный обезьяний вопль. Аня с головой ушла под одеяло, а Лосик по-кошачьи прыгнул от кровати к дверям биндюги.

Воздух в ангаре был серым и удушливым от поднятых взрывом золы и пепла. А на нарах кто-то обгадился со страху.

Гаврики орали и визжали, как компания развеселившихся школьников. Лизавета хохотала так, будто в нее вселилась тысяча чертей. В углу тускло мерцали язычки пламени. Одна из головешек попала в кучу хвороста, и через минуту он грозил превратиться в гигантский костер.

Сбивая с ног встречных, Лосик подбежал к воротам. Навалившись всем телом, сначала откатил одну створку, потом другую. Из ангара потянуло чадом и застоявшимся смрадом. Теплый воздух плотной волной тек поверху ворот, растворяясь в безоблачной синеве неба. Лосик отошел в сторону. Он только сейчас заметил, что ночью был мороз, что уже начался рассвет, и солнце вот-вот поднимется над горизонтом.

– А-а, холодно! – заорали в ангаре.

Лосик бешено глянул в черную пропасть открытых ворот и, разминая на ходу кулаки, зашел внутрь.

– Смешно?! – крикнул так дико и страшно, что на нарах сразу же притихли, а кто-то еще неразличимый в сумерках полез под них. – Кто это сделал?!

– Не я, Лось! – взвизгнул подвернувшийся под руку Басик.

– Кто, я спрашиваю?!

Вскоре воздух стал заметно чище, хотя пепел все еще летал под потолком. Возле дверей биндюги, обхватив плечи руками, стояла Аня и смотрела на него темными испуганными глазами.

– Кто бросил взрывпакет, сволочи?! – заорал Лосик и схватил Буньку, крепыша-коротышку в рваной курточке из кожзаменителя и в ватных штанах.

– Не я, не я это! – Бунька забился, стал отрывать его руку от ворота, и через пару секунд наверняка вцепился бы в нее зубами.

Но в этот момент Лосик заметил то, что заметить должен был сразу. Он отпустил Буньку и бросился к лежавшему посреди ангара, тлеющему синеватыми дымками тряпичному кулю. Перевернул Рубика на спину и горестно покачал головой, его лицо исказила гримаса боли.

– Нет. Нет, Рубик…

Маленький бродяга с собачьей кличкой был убит мгновенно, как могут убивать только шальные пули. Нелепая, непоправимая случайность. Осколок, выброшенный взрывом из костра, пробил его висок. Левый глаз у него вытек, а правый был спокойно закрыт.

Первой подбежала Аня, зарыдала в голос и схватила Лосика за рукав. На нарах снова зашевелились, стали подходить ближе. Лосик обнял подругу. Так и стоял на коленях, одной рукой придерживая мертвого, а другой ее.

– Отмучился гаврик, – произнес он, чувствуя слезы в уголках глаз. – Ничего, это ничего. Не надо, не плачь, милая.

Он осторожно опустил Рубика на пол и поднялся. Беспризорники равнодушно переговаривались. Смерть они видели не впервые.

– Приберите здесь, – сказал Лосик и отвел Аню в биндюгу.

За его спиной вырастал своеобычный хор голосов:

– Я к нему не притронусь!

– Холодно, блин…

– Как грохнет!!!

– Его душа сейчас здесь летает. Летает, как голубь.

– А может он птичкой станет, да? – спросил совсем еще детский голосок.

И от этой наивной искренности у Лосика перехватило дыхание.

– Может, он уже превратился в голубя, – ответили девочке.

Лосик узнал голос Буньки, тот разговаривал со своей сестренкой.

– Он был хороший, да?

– Да. Он никого не обижал. Никогда.

И Лосика охватило отчаянье.

Он закрыл за собой дверь биндюги, уткнулся в волосы Ани и беззвучно расплакался. В последний раз он плакал от боли, когда на железнодорожном вокзале его сначала избили бомжи, а после патрульные. Но сегодняшняя боль была сильнее той, она разрывала на части сердце.

– Я больше не могу, – прошептал он. – Эти твари убивают своих. Набьют брюхо и начинают убивать своих.

– Я знаю, – сказала Аня и осторожно усадила его на кровать. – Покури, тебе станет легче, – она вынула из пачки сигарету, щелкнула зажигалкой.

– Я не могу больше. Им же ничего не надо. Ублюдки ублюдками.

– Просто им нужно знать, что завтра и через неделю, и через год у них будет еда и крыша над головой. Ты же сам говорил об этом.

– Я устал.

– Я знаю, миленький.

Он наконец прикурил и вытер мокрое лицо. Сейчас он курил молча, гримасничая и избегая взглядом подругу.

– Надо послать за Химиком. Надо поговорить мне с ним.

– Нет, – покачала головой Аня. – Не надо его звать. Не нужен он нам.

– Аня, он поможет, он реальный пацан, – словно уцепившись за соломинку, уже с уверенностью сказал Лосик. Затушил недокуренную сигарету и, открыв дверь, крикнул в глубину ангара. – Жмоня, иди сюда!

Три недели назад его голос отпрыгнул бы от стен гулким эхом, а сегодня увяз в непередаваемом словами гуле и гомоне, висевшем под сводами ангара. Лосик посмотрел на то место, где несколько минут назад лежал мертвый, и в его глазах снова вспыхнуло бешенство. Он сделал головой судорожное, эпилептическое движение и глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. Гаврики не обратили на него внимания, только Жмонька отделился от хохочущей компании. И Лосик понял, что его авторитет в кодле иссяк. Еще неделя-другая и гаврики разбегутся, как тараканы. Нет у него больше ни сил, ни терпения держать их на подножном корму. Не удержал. Им стало скучно на свободе. Им стало голодно без подачек, без мелкого воровства и мелких унижений. Стало холодно без теплых и удушливых городских клоак. Он нечаянно подарил им свободу и скуку. «Бог им в помощь, – сказал сам себе Лосик, – но я туда не вернусь».

Он пропустил Жмоню и закрыл дверь на щеколду. Бросил на стол сигареты:

– Кури. Сходишь до Химы. Скажешь, Рубик умер. Без него хоронить не будем. Любил он Рубика, – добавил уже специально для Ани. – Пусть поторопится!

– Дашь пачку сигарет? – Жмоня не упустил возможности что-нибудь выпросить.

– Забирай. Кто «бомбочку»[20] в костер бросил?

– Лосик, я не знаю. Я спал! – Жмонька молитвенно сложил руки перед грудью.

– Верю. Иди. К вечеру Химу жду!

– Дай хлеба!

– Шагай! – рявкнул Лосик. – Кусок дерьма, – с ненавистью процедил он, когда Жмоня вышел. – Уроды…

[20] Общее название для самодельных взрывных устройств времен позднего СССР, как правило маломощных и сравнимых с петардами.

Аня лежала на кровати и задумчиво смотрела в потолок. Лосик посидел с минуту на краешке стола, потом вытянул из-под кровати наполовину пустой мешок картошки. Отсыпал из него в деревянный ящик, после короткого раздумья несколько штук бросил обратно в мешок. Выволок ящик из биндюги и крикнул:

– Гаврики, хавчик!

К нему подлетело несколько и тут же недовольно загудели:

– Опять картошка!

– А чё ты пустую-то даешь? Даже соли не дал!

Лосик вернулся в биндюгу и услышал, как они вполголоса, зло переговариваются:

– Сам тушенку трескает!

– Я видел, – торопился сказать кто-то из них. – Анька батонами голубей кормит!

– Пусть сам картошку жрет!

– А когда сварим, еще и Анька пожрать прибежит. Курица жадная!

К лицу Лосика прилила кровь.

– Вот что я вам скажу! – он бросил в ящик бумажный пакетик с солью. – У себя под нарами поройтесь! Пойло с клеем у вас не переводится, а вот хлеба нет!

Он с грохотом закрыл за собой дверь.

– Давай уйдем, – тускло, словно из-под земли, сказала Аня. – Документы у нас есть. Квартиру найдем, подрабатывать будем.

– Или подворовывать, – еле слышно отозвался Лосик.

– Или подворовывать, – кивнула она.

– Сначала дождемся Химика. Хорошо?

– Хорошо, – Аня снова кивнула. – А сейчас позавтракаем. Посмотри, там еще бутылка газировки должна остаться.

Она поставила на стол вместительную спортивную сумку, выложила из нее консервы, батоны и колбасу. Биндюга тут же наполнилась запахом съестного.

– Лишь бы Хима ничего не забыл, – сумрачно пробурчал Лосик, откусывая от бутерброда. – Деньги у него есть… Ну кто виноват, что они такие прожорливые?! Нам ведь с тобой хватает. А они все сожрут за два дня, а потом воруют у нас и друг у друга!

Химик появился ближе к вечеру, когда красноватое мартовское солнце медленно падало за горизонт, а в небе ноздреватой льдинкой уже обозначился серп ущербной луны.

Он шел по снежной целине, залитой солнечными лучами и длинными тенями, а рядом с ним, как уродливая маленькая обезьяна, семенил Жмонька. Предзакатное солнце слепило глаза путникам. Дорога давалась им тяжело, местами земля оттаяла и наматывалась на подошвы толстым слоем грязи.

Сначала со стороны дороги показались две размытые черточки-точки, временами они сливались с длинными тенями. Чек на крыше вдруг закричал благим матом, и с полдюжины оборванцев бросились навстречу гостю. Присмотревшись, Лосик заметил, что Жмонька идет согнувшись в три погибели. Когда он сгибался особенно низко, становился виден огромный рюкзак за его плечами. А Химик шел хотя и с трудом, но все же бодрей своего спутника, и даже помахал рукой, приветствуя подбежавших гавриков. И еще Лосик увидел, как Жмонька попытался сбросить рюкзак на растопленный солнцем чернозем. И как Химик отвесил ему за это крепкого тумака.

Когда они добрались до ангара, солнце уже село за горизонт. А в ангаре началась свалка из-за консервов, которые высыпал из рюкзака Жмоня. Гаврики дрались остервенело, одежда на них трещала, и со всех сторон летели матюги, а выброшенные из кучи с глухим стуком падали на бетонный пол. Лосик с Химиком курили на улице. Время от времени Химик заглядывал в ангар, смеялся и подбадривал драчунов. Смотреть на покойного он не стал. Сказал, что пришел

вовсе не из-за Рубика, а потому что хотел увидеть Лося. Для начала показал ему два литра чистого спирта и пригрозил жестокой пьянкой.

– Что с Рубиком делать будете? – спустя какое-то время все же спросил он.

– Закопаем, – Лосик посмотрел в сторону заката.

– Его надо сжечь! – убежденно сказал Химик.

– Ты чё, Хима, совсем скололся?! У нас жмуриков не сжигают!

– Брат, закапывать его нельзя. Половина твоих гавриков шизанутые. Они же до чертей клей нюхают.

– Скоро здесь гавриков не останется, – пробормотал под нос Лосик.

– Не понял? – нарочито медленно переспросил Химик. – А я тебе о чем толковал все время? Ладно, идем в хату, перетрем.

Они вернулись в ангар, и Лосик увидел стаю обезьян, занятых пищей. Гаврики сидели по одному, по двое, реже втроем. Кто-то торопливо, а кто-то медленно и со смаком поедал отбитые в драке консервы и конфеты.

– Эй, шелупонь! – во всю глотку выкрикнул Химик. – Предадим Рубика огню, упокой Господь его душу?!

Некоторые заворчали, некоторые придурковато захихикали, но в большинстве своем равнодушно молчали, занятые едой.

– Общество одобряет, – ухмыльнулся Химик и прошел вслед за Лосиком.

– А это вам, – говорил он, выкладывая на стол продукты. – Анька, тащи воду!

Он поставил посреди консервов и полиэтиленовых мешочков двухлитровый баллон со спиртом.

– А соль почему не привез? – по инерции спросил Лосик.

– Ты это брось! – оборвал его Химик. – Как проспимся, свалим отсюда!

Пока они говорили о том, что делать следует, а что нет, Аня приготовила закуску, развела водой спирт и налила спиртное в одноразовые стаканчики.

– Помянем Рубика! – сказал Лосик, поднимая свой. – Путевый пацан был!

– И за него тоже выпьем, – кивнул Химик.

Когда выпили, Аня вытерла с глаз внезапно набежавшие слезы, а ребята выпили еще по одной и закурили.

– Да нормально все! – говорил Химик. – Скотина понимает ласку, но не заботу. Для них напожрать[21] – это твоя личная забота и головная боль. А ты, Лось, этого никак понять не можешь. Братан, они и без тебя проживут. Да?

– Да, – кивнул Лосик.

– Анька, наливай еще. Братан мой с войны вернулся!

И пошло у них, поехало. Через час Лосик уже выплеснул отчаянье пьяными слезами. Вспомнили они жизнь свою непутевую, и в который уже раз за этот вечер поклялись в вечной дружбе. А когда дошли до той кондиции, когда русские перед любым встречным-поперечным выворачивают свою душу и тайны, Химик вытащил из нагрудного кармана кожаный мешочек и высыпал на ладонь горсть мелких таблеток.

– Вот это сильная штука, – таинственно прошептал он, зачем-то поднеся палец к губам. И заговорил уже обычным голосом упившегося до безобразия человека: – Была у меня мысль, да ты все нос воротил. Гаврики твои – шпана. Любой уважающий себя мент только подзатыльник отвесит им при встрече! Лось, ты меня слышишь?

– Чё?! – пьяно вскинулся тот.

– Нормально, брат! Все нормально! – Химик несколько раз по-рыбьи открыл и закрыл рот, и широко ухмыльнулся. – Лось, на этих колесах бабла можно поднять немерено…

---

[21] Жаргонное слово, означающее запас еды или пищу в общем смысле.

– Хима, ты ничё не попутал?! – яро выговорил Лосик, скосив глаза, и глядя мимо него.

– Чудик! – Химик притянул его к себе и чувствительно ткнулся своим лбом в его голову. – Кодлу твою взнуздаем и начнем дела делать, понял?! Лопатники[22] от бабла лопнут!

Лосик облокотился на придвинутый к кровати стол, обхватил голову руками и затих, изредка покачивая головой из стороны в сторону. А Химик в неистовом запале принялся описывать жирную и сытую жизнь, которую они получат в обмен на дурь. Аня села рядом с ним, осторожно взяла из горсти таблетку.

– Дай попробовать! – пьяно потребовала она.

– Анька! – Химик с трудом отобрал у нее таблетку. – Не дури, если с Лосем хочешь быть, не дури! Ты его понять должна, дура! Он же романтик! Он же ни хрена не понимает в жизни…. Наливай! Эй, Лось, выпьем! Вот до чего ты дошел, братан! Сам не знаешь, чё те надо…

Химик судорожно выпил и, оступаясь едва ли не на каждом шагу, вышел за дверь. Как только он ушел, Лосик схватил стаканчик и тоже выпил. Аня напряженно следила за ним.

– Он уже умер. Умер! – лихорадочно шептал он, отчего-то глядя на нее с ненавистью. – Сам умер и нас за собой тянет! Бля, как же это…

И вдруг потянуло в щель под дверью запахом паленины, потянуло сладковатым запахом шашлыка. Лосик вздрогнул и замер, протрезвев на глазах.

А кодла прыгала вокруг огромного жаркого костра. В его центре, подгибаясь и проваливаясь к земле, разбрызгивая язычки голубоватого пламени, ярко полыхал факел.

Когда Лосик выскочил из ангара, ноги у него подкосились. Он упал на колени и уперся ладонями в прихваченную морозом землю. Сзади на него натолкнулась Аня и тоже едва не упала. Она с трудом подняла Лосика с земли. И он бросился на гавриков, как бешеный пес. Пинал и расшвыривал их в разные стороны. В его ушах стоял гул из воплей, смеха и криков боли. И вскоре Лосик понял, что они под кайфом. Он отшвырнул в снег еще нескольких и пошел искать Химика.

В ангаре было тихо. Почти так же тихо, как в первый день. Языческое безумие осталось за воротами, только голуби всполошённо гукали под крышей, да где-то в дальнем углу возились и причмокивали.

– Вот так, Лизка, вот так, – страстно шептал Химик. – Так, так… Я тебя с собой заберу… С собой… да…

Лосик рванул ее за волосы, хлестнул по глазам наотмашь и тут же со всей силы, вкладывая в кулак всю злобу и ненависть, ударил по лицу Химика. Тот, как был распоясанный, слетел с ящика и врезался в кучу тряпья. Тут же пришел в себя, вскочил и, матюгаясь, застегивая на ходу штаны, пошел на него. В углу от боли и страха выла Лизавета. А Лосик знал, если подпустит Химика близко – ему конец, слишком неравными были силы. И он Химика запинал, пару раз приложив лицом об бетонный пол, разбив ему в кровь всю левую половину.

Потом он сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и руки у него тряслись так, что сигарета все время падала на пол. А Химик лежал посреди ангара и набирался сил. Через несколько минут он встал на ноги, вместо левой половины лица у него была лаковая японская маска. И отхаркиваясь кровью, сказал голосом прежним, хорошо поставленным и совершенно спокойным:

– Вот так, братан, и мы с тобой мы разбежались в разные стороны! Не поминай лихом…

– Вали отсюда, паскуда, – негромко сказал Лосик. – Чтобы духу твоего не было.

За последующий час он ни разу не встал. Сидел на корточках и курил сигарету за сигаретой. Смотрел, как кодла собирается в дорогу. Костер в ангаре почти погас, и Лосик видел лишь прыгавшие по нарам тени. А когда ушла Аня, в ангаре стало совсем тихо. Она что-то говорила

[22] Бумажник или кошелек большого размера (жарг.).

перед уходом, тянула его за рукав, но он только гримасничал в ответ. А Химик больше не появился, и на улице его голоса не было слышно.

Лосик сидел в темноте. В его голове не было никаких мыслей, а на дне души уже завелась боль. Он понимал, что все кончено, он остался один. Наступит утро, он соберет в сумку пожитки и по мерзлой земле уйдет на дорогу.

Неожиданно в костре вспыхнуло пламя. Лосик вздрогнул и увидел, что возле огня кто-то копошится. Его сердце сдавило сумасшедшим похмельным бредом – померещился покойный Рубик. И тут же отпустило. Он вздохнул с облегчением. Возле костра стояли Бунька с сестренкой, Чек, Лизавета и еще трое, неразличимые в потемках. Лосик слабо улыбнулся и помахал им рукой.

– Ничего, – прошептал едва слышно. – Апрель переживем, а в мае начнем поднимать землю. Вон ее сколько. Нам хватит.

В последних числах мая навалился с запада холод. В промерзшем темно-голубом небе стояли высокие, почти неподвижные дымки. Ниже них свинцовою кисеею неслись темные тучи, осыпавшие неприветливый день двадцать шестого мая ледяным дождем. Изредка пробивало ливень градом, и по крыше словно черти начинали скакать и бить в старый шифер острыми козлячьими копытцами. Гоцик начал было ворошить чертей в своей голове, но вовремя отвлекся от навязчивых мыслей. Нельзя ему было думать о таком. И вот он лежал, слушая монотонный шум дождя за окном, а в голове его колобродили неуловимые, скользкие слова и фразы. Он пытался зацепиться хотя бы за одно слово, но не смог этого сделать. Понимал только, что безудержно проваливается в беспамятство. К тридцати годам он заплутал в самом страшном из лабиринтов – беспамятства и безразличия.

С утра заходила бабка Капа, его последняя родственница в поселке. От нее наверняка тянуло прохладой и старостью. Но он не чувствовал запахов. Сейчас для него воздух был просто удушливым и безвкусным. Бабка подошла к дивану и вздохнула печально. Но он на нее даже не посмотрел. Неотрывно, почти не мигая, смотрел на темную трещину в потолке.

Бабка потопталась возле окон, отдернула занавески, недовольно побурчала над столом с объедками и села на табурет.

– Померзнет нонче смородина, – сказала она.

«Дрянь-погода», – эхом отозвалось в голове у Гоцика.

– Клавка-штырь за чесноком ходила. Говорит, вся черника в цвету… Померзнет нонче черника.

На этот раз Гоцик ни о чем не подумал. Он слушал, как усиливается за окном ветер, и краем глаза видел, как весь этот смутный небесный кавардак пробивают сумасшедшие лучи солнца, и теплые золотистые пятна от них ложатся на подоконники и скрипучие половицы, на клетчатое одеяло и его обессилевшие от беспробудного пьянства руки.

– На работу бы тебе пойти, – пролепетала Капа и замолчала надолго.

Это была ее мечта, почти мечта о возведенном храме – пустить его по накатанной поколениями колее, чтобы не вставал больше против законов людских.

Гоцик лежал бездумно. Плевал он на законы, которые пресекал. Плевал он на все. Только одного ему хотелось сейчас – забыться часа на два и проснуться уже совсем здоровым.

А бабка попеняла еще на судьбу. Потом еще что-то говорила, но так невнятно и торопливо, что Гоцик не разобрал ни одного слова и незаметно задремал под неуверенный лепет Капы, и проснулся уже в полдень.

На кухне бормотало радио. За окном было сумеречно и тихо. Небосвод затянуло сплошной грозовой пеленою. Этот свинцовый монолит прорезали ослепительные мимолетные вспышки. И с каждой такой вспышкой радио на кухне принималось трещать и по-стариковски кашлять. Гоцик с трудом сел на диване и мрачно оглядел комнату. Обоняние к нему уже вер-

нулось. Сейчас он чувствовал, как тянет со всех сторон сивухой, хотя бабка еще утром убрала следы попойки. Он встал, покряхтывая разогнулся во весь свой почти двухметровый рост и уже самодовольно похлопал себя по тощей грудине и животу. Жизнь снова начинала ему нравиться.

Воды в бачке оставалось на донышке. Гоцик неприязненно воззрился на сероватую от близости дна с какими-то подозрительными крошками жидкость. Выглянул в окно и, обозрев дымные небеса, решил, что за свежей водой сходит позже. Еще позлобствовал слегонца на бабку. Де, не могла, старая, за водичкой на ключик сбегать.

Из съестного в доме осталась только початая банка кильки да черствая ржаная горбушка. Гоцик недовольно поводил носом над этими разносолами и вернулся к бачку с водой. Безразмерной алюминиевой кружкой зачерпнул воду. И с первого же глотка его едва вывернуло. Гоцик тут же вспомнил, как Костыль вечером опрокинул свои полстакана в бачок с водой, а потом кричал, что это ерунда, потому что у него паленой водкой двор забит.

– Чтоб тебя, – пробормотал Гоцик и выплеснул воду в форточку.

Он взял с плиты эмалированный чайник. Снял с него крышку и осторожно понюхал под ней. Напившись, прихватил с кухни хлеб с консервой и ушел в комнату.

Его отец страдал эпилепсией. На сыне недуг не отразился, но сказать, что с головой у Гоцика было все в порядке, тоже было нельзя. Своего отца он почти не вспоминал, хотя зла от него не видел. Впрочем, не видел от него и добра. Болезнь свою тот получил на производстве и был настолько подавлен ею, что порой сына не замечал вовсе. Мать Гоцика была женщиной здоровой, человеком сильного и жесткого характера. От нее добра он тоже не видел, но вспоминал мать все же чаще, чем отца. Изредка, думая о родителях, он ощущал угрызения почти потерянной совести. И понимал, что все в его жизни происходило осознанно – он всегда знал, на что идет, водкой заливая сожаления. И только память о родителях резала его очерствевшее сердце до слез и душевной боли.

Гоцик отбросил книгу в сторону и вытер заслезившиеся глаза. Оказалось, что он не помнит ни слова из прочитанного. «Какая все-таки сволочь этот Костыль, – подумал он уже со злобой. – Таким дерьмом корешей поить! Ловчила хренов. Последний искренний друг». Еще немного и его сердце устанет гонять по жилам отравленную кровь. Мозг омертвеет и превратится в кашицу пшеничного цвета. А между темными провалами, когда жизнь будет таиться и замирать, Костыль станет воображать, что из носа у него течет не мокрое, а этот воспаленный, убитый цистернами яда мозг. Страшно… Страшно, что и его, Гоцика, ждет такой же конец. Рано или поздно, но он его настигнет. И это будет хуже жизни и намного хуже смерти. Призрачный мир сумерек, изломанный криком невыносимой боли. Волосы выпадут, а лицо станет звериной мордой, и щеки зарастут светлой, жесткой щетиной…

– Когда же лето придет, мать твою?! – злобно прохрипел Гоцик, глядя в потолок.

4. Принцип выбора

– Еще одна, – Вахтанг посмотрел на Костырева так, что тот невольно поежился.

– Ну и ну, – пробормотал Олег. – Совсем народ рехнулся.

В убойном отделе после перевода он работал первый месяц. До того три года отработал по нетяжким преступлениям в одном из районных отделов. Действовал пока осторожно, присматриваясь к новым коллегам.

– Итого, четверо, – подытожил Вахтанг, протянув ему конверт из плотной бумаги.

Глаза у него были покрасневшие, голос раздраженный. На мгновение в нем даже почудился грузинский акцент. Часть ночи Гарибов провел на месте происшествия.

Олег вытряхнул из конверта акт дактилоскопической экспертизы и пачку свежих фотоснимков – зрелище жутковатое.

– Итак, – менторским тоном произнес Вахтанг. – Восемнадцатого мая одна тысяча девятьсот девяносто пятого года в два часа тридцать две минуты ночи дежурным сорок седьмого отделения был получен сигнал от жильца, проживающего по адресу: Казарменный переулок, шестнадцать дробь двадцать четыре. По словам очевидца, у соседки сверху раздавались подозрительный шум и еще что-то… Заметь, это «еще что-то» сосед убитой определить не смог. По указанному адресу прибыл наряд милиции. На звонки и устные требования открыть дверь, жилец тридцать первой квартиры Суханова Зоя Николаевна не отреагировала. В связи с чем был поднят комендант дома Шварц Анатолий Генрихович. В присутствии понятых путем подбора ключей и отмычек дверь открыли. После обнаружения трупа Сухановой, наряд сделал сообщения по полной форме. На место происшествия в три пятьдесят четыре прибыла следственно-оперативная бригада и бригада медиков, констатировавшая смерть гражданки Сухановой от колото-резаной раны в области сердца.

– Все это интересно, – Олег выдвинул ящик стола и взял стопку чистой бумаги. – Но…

– К тебе это имеет непосредственное отношение, – Вахтанг скупо улыбнулся. – Воронцов включил тебя в мою группу.

Пока Вахтанг ходил по экспертным отделам, Олег сидел за своим столом, курил и читал материалы дела. Уже после второго эпизода стало ясно, что это работа серийного убийцы, коих расплодилось в эпоху перемен, как червей в нужнике. В жилище жертвы он проникал беспрепятственно. По всем признакам на порог дома будущие жертвы впускали его добровольно. Во всех четырех случаях жертвами стали женщины пенсионного возраста. Но какой-либо связи, кроме преклонного возраста, между ними не было.

Олег нарисовал на листе бумаги окружность, таким образом обозначив город, и отметил места убийств крестиками. Но настроение у него было нерабочее. Он некоторое время пытался заставить себя думать о деле, но вскоре сдался и, глядя на свое художество, принялся напевать припев с кассеты, случайно купленной накануне в ларьке вместе с сигаретами. Лист бумаги с воображаемым ареалом охоты свалившегося на его голову маньяка, он в такт мелодии крутил в пальцах. «Ни окна, ни пролета, ни двери», – оборот по часовой стрелке. «Только черная мертвая ночь»[23], – оборот против часовой стрелки. Что-то ему все это напоминало. В голову некстати полезла разная чепуха, виденная в американских фильмах. Но эти легкие синие полосы ему что-то определенно напоминали.

Он неожиданно вздрогнул и резко выпрямился, положил схему перед собой. Осторожно, словно опасаясь спугнуть озарение, взял ручку и также осторожно соединил противолежащие крестики.

– Ну и ну, – пробормотал, глядя на получившийся крест. – Где тут у нас…

[23] Строки из песни «Звери» группы «Сплин», студийный альбом «Пыльная пыль», 1994 г.

Он бросился к стенному шкафу, стоявшему в углу кабинета, достал с верхней полки свернутую в трубочку карту города и разложил ее на столе Вахтанга.

Грифельным карандашом отметил на карте места убийств. По линейке отчеркнул две еле заметные полоски. Впечатление складывалось такое, словно он смотрел на самый старый район города через призму оптического прицела.

В этот момент в кабинете появился Вахтанг. Лицо у него было злое. Олег закурил, присел на краешек стола и похлопал ладонью по карте.

– Что это ты тут устроил? – недовольно осведомился Гарибов.

– Нашел, – Олег затянулся и выпустил несколько колечек дыма. – Кажется, я кое-что понял.

Когда Олег объяснил ему суть, Гарибов недовольно пробурчал, разглядывая пересечение линий на карте:

– Сколько же это квартир получается?

– Много, – лицо у Олега стало задумчивым. – Но скорее всего, это не имеет существенного значения.

– Любопытно, – пробормотал Вахтанг. – Если ты прав, следующую жертву он будет искать уже в центре города.

«Принцип выбора, – тем временем размышлял Олег, – это единственная зацепка. Где и как он охотится? Охота для хищника – всего лишь способ добычи. Интересно, за какими трофеями на самом деле охотится этот зверь?»

– По какому принципу он выбирает жертву? – он посмотрел на Гарибова. – Этот человек либо живет в пригороде, либо в город переехал совсем недавно. Либо убийца молод, и счет открыл в этом году.

– Не факт, но я тоже думал об этом, – Вахтанг внимательно изучал карту. – Хотя к определенному выводу так не пришел, – и повторил мысль Олега: – До тех пор, пока мы не поймем схему, по которой он выбирает жертву, мы не вычленим его из толпы.

Олег кивнул в знак согласия. «Это дерьмо отдает шизофренией, – думал он. —Стопроцентная кровожадная мания спятившего ублюдка. Убийства произошли в течение последних четырех недель со среды на четверг, по одному эпизоду в неделю».

– Смахивает на ритуал, – вслух сказал он.

Вахтанг зарядил кассету в магнитофон и пристально посмотрел на него. Кабинет постепенно наполнился звуками музыки, напоминающей церковные песнопения.

– Я думаю, что он не только выбирает жертву по определенному принципу, – Олег слегка поморщился. – Я думаю, он знакомится с ними при схожих обстоятельствах.

– Этот шум не смог определить сосед Сухановой, – пояснил Вахтанг. – Назвать это музыкой язык не поворачивается, какие-то гимны сатанинские. Видимо, убийца почувствовал опасность и забыл кассету в магнитофоне.

– Либо оставил ее намерено. – Олег снова вспомнил американские триллеры.

– Очень может быть, – кивнул Гарибов. – Отпечатков на кассете нет. Пока что вообще никаких зацепок!

– Я так полагаю, что он знакомился с этими женщинами на кладбище, – негромко добавил Олег. – Он знакомится с ними на похоронах.

– Верно, – прошептал Вахтанг, глаза у него мгновенно разгорелись. – Верно, Олег! Место их возможного знакомства – кладбище, похороны. Молодец!

– Просто свежий взгляд, – спокойно кивнул Костырев.

– Само собой твою версию еще нужно проверить и перепроверить. Но что-то в ней есть. Кто и чем мог заинтересовать их?

– Думай о смерти, – усмехнулся Костырев.

– Что? – Гарибов слегка оторопело посмотрел на него.

– В том смысле, что старики всегда думают о собственных похоронах. Копят деньги, покупают какие-то вещи… Возможно, убийца пользуется их слабостью. Это может быть гробовщик, служитель на кладбище. Предположим, музыкант из оркестра. Хотя я не знаю, хоронят сейчас под духовые оркестры или нет, – Олег закрыл глаза и попытался представить похоронную процессию. Кого-то он выпустил из виду, но не мог сообразить кого. – Этот человек внушает доверие. Быть может, выглядит приятно или еще что-то… – прошептал он.

Вахтанг уже куда-то названивал.

– Значит так, – сказал он, бросив трубку на рычаг. – Для начала проверим, верна твоя версия или нет?

– Это невозможно, маньяк может вынашивать планы годами. Я бы не стал до такой степени рассчитывать на результат.

– Конечно-конечно, коллега! – Вахтанг усмехнулся. – Я с тобой согласен. Но что бы ты сделал на моем месте?

– Я бы начал с муниципального предприятия «Ритуал» как с самого крупного в городе.

За столиком в открытом кафе сидели двое, один был широкоплечим и широколицым азиатом, второй светловолосым пареньком лет двадцати. Азиат отхлебывал из пивной кружки и грыз хвост вяленой рыбы. Перед пареньком стояла бутылка минеральной воды.

– Ты мне нравишься, – прошепелявил азиат, вытирая руки салфеткой. – Молчаливый, без резких движений, как будто тебя нет.

– Мы о деле будем говорить? – паренек посмотрел через дорогу.

– А сейчас слушай внимательно, – азиат скользнул по нему цепкими узкими глазами. – Мне плевать, чем ты занимаешься между делом. Можешь пилить и резать. Но если что-то пойдет не так, ты не при делах и никого не знаешь.

Вместо ответа паренек улыбнулся.

– Это хорошо, – осклабился азиат. – Завтра как обычно. Береги себя, братан!

Паренек проводил его взглядом. На его сердце стало неспокойно: «Неужели что-то пронюхали?» Он посмотрел на часы и неожиданно решил, что сейчас это уже неважно. Времени было два часа пополудни. Внизу его живота сладко заныло. Сегодня он встретит ее. «Она будет вот такая и вот такая, – думал он. – Впрочем, совершенно неважно, какой именно она будет». Эти мысли его успокаивали. Неважно какой она будет, потому что она, как и остальные, – всего лишь подношение на алтарь. Все будет так, как и должно быть. Не больше, не меньше. И ему помогут, ведь ему всегда помогали.

Он перешел через дорогу и открыл дверцу «пазика»-катафалка. Сел на водительское сиденье и вытер мгновенно вспотевшие лоб и лицо. Он уже почти не ощущал своего тела. В салоне и в кабине было очень жарко. Но он с наслаждением вдыхал этот душный сладковатый воздух. Его тело пронизали приятные теплые молнии.

Наконец он решил, что время настало, завел двигатель и поехал навстречу судьбе, испытывая мучительное наслаждение.

После обеда Олег созвонился с Вахтангом.

– Ты оказался прав, – напористо говорил тот. – Все жертвы незадолго до смерти побывали на похоронах. Не могу понять, как это обстоятельство ускользнуло от меня.

– Бывает. Между ними есть еще какая-нибудь связь?

– Есть. На всех похоронах пользовались услугами «Ритуала». Именно то, о чем мы говорили. Как твои дела? Опросил сторожей на кладбище?

– Да. Но каждого из них можно записать в маньяки.

– Ну и ну, – передразнил его Вахтанг. – Жду тебя с отчетом. Салют!

– Салют, – без энтузиазма отозвался Олег.

Солнце стояло в зените. Было очень жарко. Олег посмотрел на часы. С полминуты размышлял над тем, не съездить ли домой и спокойно пообедать, отдохнуть ото всей этой зловредной суеты. Он потоптался возле телефонной будки. Но так и не решившись на что-то определенное, пошел в сторону автобусной остановки.

В конце дня они вынуждены были признать, что единственный положительный результат их сыска – наличие самой версии, определившей сыск. Но если у Олега настроение было пораженческое, то Вахтанг излучал оптимизм.

– Это только начало, – уверенно говорил он. – Завтрашний день решающий. Мы на верном пути – это главное! Круг подозреваемых сузился, не иголка же он в стоге сена!

– Ну-ну, – пробормотал Олег. – Что-то я не почувствовал приближение успеха.

– Все еще впереди, – пообещал Вахтанг с таким видом, словно был самим Господом Богом. – Мы поймаем его!

– Конечно, поймаем, – кивнул Олег, – нам деваться некуда.

Вахтанг посмотрел на него и жизнерадостно рассмеялся:

– И откуда ты такой взялся?! Ладно, идем, пивком тебя угощу! И не забудь супруге от меня кланяться. Как она тебя терпит?

Было около семи часов вечера. Духота на улице стояла такая, что сразу же захотелось уйти с головой под воду или превратиться в дельфина.

– Это было бы неплохо, – кивнул Вахтанг, когда пена в кружке осела.

Олег отпил примерно половину, поставил кружку на стол и с задумчивым видом закурил:

– Так любой балбес себя счастливым почувствует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.